

Лидия Алексеевна Чарская

Семья Лоранских

Лидия Алексеевна Чарская

Семья Лоранских

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=635585

Лидия Чарская. Собрание сочинений:

Аннотация

Быстро, быстро летит неузвимое время...

Проходят дни, недели, месяцы, проходят и канут в лету... Меняются люди, меняются обстоятельства их жизни. Набегают грозы, сверкают молнии, грохочут громы событий. Горе, радости, и опять горе и опять радости чередуются, сменяясь одно другим.

И в сером домике у «синего моря» время вывело целую сеть событий и эпизодов для того, чтобы снова вернуть сюда, в это мирное гнездышко, тихое безмятежное былое счастье...

Содержание

I	4
II	14
III	21
IV	29
V	44
VI	60
VII	69
VIII	78
IX	83
X	89
XI	92
XII	99
XIII	112
XIV	122
XV	129
XVI	133
XVII	141
XVIII	150
XIX	157
Заключение	162

Лидия Алексеевна Чарская

Семья Лоранских.

Не в деньгах счастье

I

– Адмиралтейская площадь! – громко выкрикнул голос кондуктора, и конка остановилась.

Молоденькая девушка, сидевшая у самой двери вагона с неуклюжим узлом на коленях, проворно вскочила со своего места и, обеими руками придерживая ношу, вышла из конки.

Промозглый серый октябрь стоял над Петербургом. Дождь неприятно моросил в лица прохожих. На тротуарах было мокро и скользко.

Но молодая девушка, казалось, и не замечала неприглядной картины осеннего петербургского дня. Заботливо прижав к своей груди узел, с раскрытым зонтиком над головой, она торопливо шагала по Невскому.

Девушка была премиленькая. Из-под дешевенького фетра выбивались непокорные завитки огненно-рыжих кудрей, обстриженных в кружок, как у мальчика. На снежно-белом личике, слегка усеянном мелким бисером веснушек, ласково

и ярко сияли большие добрые глазки, синие, как васильки... Тонкие брови девушки, слегка рыжеватые, придавали что-то оригинальное и милое всему свежему личику с вздернутым носиком и пухлыми губами. Тоненькая, стройная, она имела вид скорее подростка, нежели взрослой барышни. И походка у нее была торопливая и стремительная, точь-в-точь, как у школьников, которые бегут по утрам в школу, боясь опоздать к урокам.

Поравнявшись с Казанским собором, девушка высвободила правую руку и набожно перекрестилась.

– Дай Бог удачи! – прошептали ее пухлые губки и она еще быстрее и решительнее зашагала по тротуару и вскоре скрылась в подъезде, над которым синяя вывеска гласила: «С.-Петербургский городской ломбард».

Поднявшись по широкой лестнице во второй этаж, она вошла в отделение приема залогов.

Рыженькая девушка быстро развязала узел и положила на прилавок скромный летний жакет песочного цвета, такую же юбку и поношенную драповую кофточку с бархатными отворотами.

Оценщик долго разглядывал и отряхивал вещи, как бы желая проникнуть в самую глубь стареньких тканей. Наконец, покачав головою не то с сожалением, не то с легкой иронией, он произнес, глядя на девушку поверх очков:

– Четыре рубля, барышня.

Свежее личико молоденькой клиентки вспыхнуло до кор-

ней рыжеватых завитков, до белой тоненькой шейки, выходящей из-под отложного мерлушкового воротничка жакетки.

– Ах, пожалуйста, – произнесла она смущенно, – накиньте... в прошлый раз мне у вас же пять за нее давали... и вдруг... Пожалуйста, прибавьте.

Оценщик еще раз встряхнул вещи и, снова сокрушенно помотав головой, крикнул кому-то в пространство:

– Пять рублей. Драповый жакет и летний костюм оба держанные, пять рублей, – и дал рыженькой девушке бланк с четко написанным на нем номером и цифрой залога.

Девушка приняла бумажку из рук оценщика и отошла к кассе, за проволочной решеткой которой сидела полная дама в пенсне. Ждать пришлось каких-нибудь три минуты, не дольше. Дама выкрикнула номер бланка и рыженькая девушка получила квитанцию, на которой красиво выделялся новенький золотой пятирублевик. Она поспешно спрятала и то и другое в маленькое потертое портмоне и вышла из ломбарда с легким сознанием душевной удовлетворенности.

А на улице по-прежнему моросил нудный осенний дождик, по-прежнему бежали под открытыми зонтиками редкие пешеходы и плелись сонные «ваньки» с поднятыми верхами.

Рыженькая девушка подобрала платье и отважно зашагала по мокрому тротуару. На душе у нее было хорошо и весело, несмотря на ненастье. Все складывалось так славно сегодня! И оценщик не заметил большого пятна на подкладке жакета

и дал ей именно столько, сколько ей было нужно, и народа не было в ломбарде, так что она успеет к обеду домой; вдобавок она еще принесет экономию, оставшуюся от двух конок, потому что, несмотря на просьбы матери ехать на конке от Адмиралтейства до ломбарда, она прошла туда пешком.

«Не купить ли к чаю сушек у Андреева? – подумала девушка, проходя мимо большой булочной, приятно пахнувшей на нее запахом свежих булок сквозь открытую дверь, – мама так любит сушки!» – добавила она мысленно и уже готовилась войти в булочную, как вдруг услышала позади себя знакомый голос:

– Ну, и бежишь же ты, Лелечка! Едва догнал!..

Рыженькая девушка, которую звали Лелечкой, обернулась. Перед ней, под зонтиком, стоял молодой человек с портфелем подмышкой и в форменной чиновничьей фуражке. Его добрые близорукие глаза щурились и улыбались. Полные губы улыбались также, сверкая крупными зубами, белыми, как сахар. Русая вьющаяся борода красиво удлиняла его несколько круглое лицо, с здоровым румянцем во всю щеку.

И это улыбающееся лицо, и эта веселая улыбка так мало подходили к скучному дождливому петербургскому дню и сердитым лицам прохожих!

– Володя! – весело выкрикнула Лелечка, – вот не ожидала... Разве ты уже со службы?

– Да, разумеется, – с тою же веселою улыбкою произнес

тот, – не в моих правилах уходить со службы до ее окончания, Елена Денисовна!

– А ты почему так давно у нас не был? – недовольно протянула девушка и косо посмотрела на своего спутника своими синими, ясными глазками, которые, казалось, располагали, каждого в пользу их владелицы.

– Не сердись, Лелечка, уж так вышло! – виновато произнес Владимир Владимирович Кодынец (так звали молодого чиновника) и вдруг, взглянув на ноги своей молоденькой спутницы, он воскликнул с неподдельным ужасом: – Батюшки, да ты в туфлях! Ведь это безумие, Лелечка! Долго ли простудиться и схватить кашель, бронхит, воспаление легких...

– Гнилую жабу... дифтерит... бугорчатку, – докончила его спутница и расхохоталась.

Но Владимир Владимирович не разделял, казалось, веселья Лелечки. Он чуть ли не с отчаянием продолжал смотреть на ее маленькие ножки, одетые в прюнелевые туфельки и мелкие галоши, щедро смоченные дождем.

– Разве можно так, – говорил он сокрушенно. – Ай, ай! ай! И что это мамаша смотрела? Как решилась она отпустить тебя так? И почему ты высоких сапог не надела, Лелечка? – негодовал он, глядя с укором в ее синие смеющиеся глазки, своими добрыми серыми близорукими глазами.

– Фу, какой ты сегодня скучный, Володя, – полушутливо, полунедовольно произнесла Лелечка, – и все-то тебе знать надо... Пожалуйста, мамаше не вздумай только насплетни-

чать, что я ноги промочила. Мои сапоги надел Граня... У нас одна нога... Надел в гимназию... у его сапог подошвы отлетели... Нельзя же так. Ну, вот и пришлось мне надеть туфли. Ты молчи только, а то Гране попадет еще! Недавно, ведь, ему подошвы новые ставили, а он опять...

– Да ты хотя бы дома сидела! – окончательно вознегодовал Кодынцев, – если уж сапоги брату отдала. А то в эдакую непогоду чуть ли не в ночных туфлях... Бога ты не боишься!

– Как раз! Вот-вот только и сидеть дома! А кто в ломбард поедет? – задорно потрянув своими рыжими кудрями, произнесла Лелечка.

– Опять у вас значит безденежье, Леля? – совершенно другим, новым голосом произнес Владимир Владимирович, – и как тебе не грех по ломбардам ходить? Спросила бы у меня! – произнес он с нежным укором.

– Ай, что ты? что ты, Володя?! Мы и так тебе Бог знает сколько должны... – залепетала Лелечка. – Нет, нет, ни за что больше нельзя у тебя брать. И потом деньги у мамы есть... на хозяйство есть... А это для нас... т. е., для Валентины. Видишь ли, Валентине окончательно дебют дают. Сегодня бумагу из театра прислали, – понизила она почему-то голос до шепота, – в настоящий театр, понимаешь, и с настоящими актерами!.. Ну, и костюм у нее есть... юбка, то есть, а кофточку сшить надо... красную шелковую кофточку... Это я говорю... А Валентина говорит – желтую... Как ты думаешь – какую?

Но Кодынцев не слышал вопроса Лели. Он ласково и нежно смотрел на нее и думал:

«Милая, милая девочка! И всегда-то ты была, и останешься такой милой и славной! Будешь бегать в дождь и слякоть по ломбардам закладывать свое последнее убогое платышко, чтобы доставить удовольствие другим. И никто не оценит тебя по заслугам, как бы следовало. Каждый будет требовать от тебя выгоды и пользы и вряд ли сумеет поблагодарить твое чуткое, доброе сердечко, бьющееся любовью и заботой к другим».

И он смотрел с ласковым участием на ее тоненькую, щедушную фигурку, отважно шагавшую о бок с ним по мокрым плитам Невского проспекта, и думал, что вот эта чудная, добрая Лелечка дорога и мила ему, как родная сестра. А они даже и не родственники с нею, просто детьми росли вместе и играли в былое беспечное время.

Звонкий смех Лелечки разбудил Кодынцева от его задумчивости.

– Какой ты смешной, Володя! – хохотала девушка, – ты сейчас зонтиком чуть цилиндр с того господина не сбил! Он бранится, а ты самым серьезным тоном говоришь себе под нос: «Очень вам благодарен...» Ха-ха-ха!

Но вдруг смех ее разом прервался. Страшный ливень хлынул внезапно и мигом наводнил и тротуары и улицу...

– Извозчик! – закричал Кодынцев не своим голосом, – в Галерную гавань! Живо!

Что ты, Володя! Ведь, мы на конке можем! – запротестовала Леля, – отлично на конке бы...

Но было уже поздно. Не торгуясь с хитроватым на вид «ванькой», заломившим, глядя на ненастье, чудовищную цену. Кодынцев отстегнул фартук и, энергично взяв Лелю за руку, посадил ее под закрытый верх в пролетку.

– Так будет верней, – произнес он весело, сам усаживаясь подле девушки.

– Ну, а про кофточку ты мне все-таки ничего не сказал, Володя! – снова заговорила Лелечка, когда их пролетка миновала стоявшие у Александровского сквера конки и легко покатила по торцовой мостовой по направлению к Дворцовому мосту.

– Какую кофточку? – недоумевающе переспросил Кодынцев.

– Ах, какой ты рассеянный, Володя! – заволновалась она. – Я тебя про Валентинину кофточку спрашиваю. Какого цвета ей шелка купить: красного или желтого? По-моему – красного, потому что Валентина бледна немного, а в красной кофточке она будет чудо какая хорошенькая! Желтая к ее цвету лица не пойдет. Правда?

– Правда, Лелечка, – весело согласился Кодынцев.

– Ну, и отлично, – обрадовалась она. – Я тогда ей выберу красную. Скажу – Володя посоветовал. Хорошо?

И Лелечка с лукавой улыбкой заглянула в его глаза, сиявшие ей с братской лаской из-под козырька чиновничьей фу-

ражки.

– Лелечка! – неожиданно произнес Кодынцев. – Смотрю я на тебя и думаю: всегда-то ты всем довольная, радостная, хлопотливая, как воробушек. И, глядя на тебя, самому весело на сердце станет... Все-то у тебя так гладко и хорошо выходит. Счастлива ты, Лелечка?

Лелечка только звонко расхохоталась в ответ своим детским серебристым смехом.

– Странный ты сегодня, Володя! – произнесла она сквозь смех, – то цилиндры с прохожих зонтиком сбиваешь, а то философствовать начал... Ха, ха, ха!

– Какая ты милая, Лелечка! Как ты всегда развеселить умеешь. Ведь, для нас всех как солнышко для мира, нужна. Дай тебе Бог подольше таким дитяtkом оставаться! Ни задумываться, ни печалиться не пристало твоей головке, детка...

– Потому что она рыжая, – с комической серьезностью заключила та, – а все рыжие ужасно веселые и ужасно глупые! Мне и печалиться-то некогда, Володя! Сам знаешь небось. Утром надо Граню чаем поить, в лавку сбегать – Фекла мяса порядочного выбрать не умеет, Павлука в академию отправить... А там, смотришь, завтрак. Пошить что-нибудь надо... А потом Граня возвращается. С ним потолкуешь. Глядишь, и Павлук является. Опять обед. А тут и друзья наши тут как тут. Самовар, закуска... Валентина от своего хозяина вернется... К одиннадцати часам так устанешь, что только-только до постели дотянешься. Какая уж тут задум-

чивость! Нет, мне всегда работать весело. Ведь не Валентине же хлопотать по дому. Валентина – красавица. Ей и работать-то грешно. У нее, взгляни, ручки – точно у принцессы крови. А мои – гляди!

И она протянула к самому лицу Владимира Владимировича крошечные ручонки в стареньких перчатках, сквозь прорванные пальцы которых выглядывали ее розовые коротко остриженные ноготки.

– Славная ты! – произнес Кодынцев и поцеловал старенькие перчатки в том самом месте, откуда выглядывали розовые пальчики. – Славная ты, родная моя сестренка!

Он хотел добавить еще что-то, но в ту же минуту пролетка остановилась у небольшого серого домика-особняка в одной из маленьких улиц Галерной гавани.

– Вот и приехали! – радостно произнесла Лелечка, слезая. – Вы к нам, или домой пойдете, господин государственный чиновник?

– Если позволите, к вам, госпожа беззадумчивая барышня.

– «Если позволите!» – передразнила его Лелечка с усмешкой. – Вот еще как разговаривать выучился. Нечего важничать! Ну, руки по швам и марш за мною. Живо!

Кодынцев с улыбкой последовал за нею.

II

Семья Лоранских жила в собственном сером домике «у самого синего моря», как говорил старший из детей, Павел Денисович или Павлук, по семейному прозвищу, студент медицинской академии. Марья Дмитриевна Лоранская овдовела как раз перед рождением своего последнего сына, Грани, и теперь жила на крошечную пенсию, оставленную ей мужем-чиновником, да приработком старших детей, Валентины и Павла, из которых первая, в качестве чтицы, занималась у одного старика, другой давал уроки. Кроме того, верх домика отдавался внаймы.

Серый домик был дан в приданое за Марьей Дмитриевной и все ее дети родились и выросли в нем. Это был совсем особенный домик. С утра до ночи там кипела жизнь, звучали молодые, свежие голоса, мелькали юные здоровые лица. Утром все расходились, чтобы сойтись снова к обеду, а вечером, после чая, в сером домике поднимался дым коромыслом: молодежь пела, играла, хохотала... Товарищи Павла по Академии приходили сюда запросто, в рубашках-косоворотках или в стареньких заплатанных тужурках, пили чай с булками или с простым ситным, ели грошовую колбасу и веселились так, как, наверное, уже не умеют веселиться в княжеских палатах.

И не бледная спокойная красавица Валентина, не рыжень-

кая хлопотливая Лелечка, ни Павлук, ни Граня, притягивали к себе молодежь, – просто в сером домике все располагало к веселью, смеху, дружеским спорам и милым беседам. На глазах этой молодой толпы поднялась и расцвела Валентина, выросла Лелечка, и никому в голову не приходило ту или другую принять за взрослую барышню и, когда в один прекрасный день сияющая Марья Дмитриевна объявила за чаем, что «Валечка просватана», все как будто тут только заметили и то, что Валентина – девушка-невеста, и то, что она – взрослая красавица. И вдруг всей этой шумно веселившейся молодежи стало обидно, что один из членов ее как бы отпадает от них, став на положение барышни-невесты. Когда же узнали, что жених Валентины, Владимир Владимирович Кодынец, друг детства юного поколения Лоранских и их ближайший сосед, все восторжеслись и даже обрадовались предстоящей свадьбе. Кодынец был славный, хороший человек, а Валентина – совершенно исключительная барышня-невеста: она не уединялась от других со своим женихом, как это обыкновенно происходит у помолвленных, а просто и мило держала себя с ним в обществе товарищей брата, по-прежнему бегала с ними на «верхи» в Александринку и отбивала себе мозоли, хлопая любимцам актерам. И снова в сером домике поднимался дым коромыслом и молодежь бежала сюда отдыхать от лекций, а иной раз поверять свои невзгоды доброй, чуткой, по матерински отзывчивой ко всем им Марье Дмитриевне, или незаменимому другу-советнику во

всех житейских делах, Лелечке, и, наконец, к Павлуку, готовому содрать с себя последнюю рубашку и дружно поделить-ся ею с неимущим.

С Валентиной и Граней откровенничали меньше: с первой – вследствие ее внешней холодности и исключительного положения невесты, с которым, как-никак, а приходилось все-таки считаться, со вторым – в виду его крайней молодости.

Но больше всех в смысле дружеских откровенностей и всяких душевных излияний перепадало Лелечке. С нею обращались запанибрата, по-товарищески; ей рассказывали с особенной охотой про маленькие и большие невзгоды и радости... Лелечка имела драгоценную способность помочь, утешить, посоветовать, выпутать из беды.

– Мирская печальница! – любовно приглаживая ее рыжие кудри, говорила Марья Дмитриевна, гордясь своей дочуркой.

Впрочем, изо всех своих четверых детей Лоранская особенно любила своего последнего младшего сына, Граню, родившегося двумя месяцами позднее смерти отца. Граня был общим кумиром. Он жил точно юный принц среди своих подданных. Каждый из членов маленькой семьи считал своей обязанностью баловать Граню. Происходило ли это вследствие того, что ребенок, не видевший отцовской ласки, возбуждал нежное сочувствие близких, или сам по себе Граня, красавчик собой, нежный, как девушка, располагал к себе своими внешними достоинствами.

Даже Валентина, не любившая проявлять особенную нежность, и та, нет-нет, да и выражала ее по отношению к младшему брату. А о Лелечке и Павлуке и говорить нечего – те просто таки боготворили Граню.

Вообще, семья Лоранских шутивно разделялась их ближайшими друзьями и знакомыми на две половины: аристократическую, состоящую из Валентины и Грани, и демократическую, в состав которой входили сама Лоранская, Павлук, Леля и краснощекая глуповатая, но честнейшей души девушка Феклуша, жившая уже десятый год в сером домике.

Когда Лелечка с Кодынцевым вошли через крошечную прихожую в столовую, вся семья была в сборе, готовясь приступить к обеду. Из открытой в прихожую двери кухни шел очень вкусно пахнувший пар и наводнял собою столовую, так что сидевшие там за столом четыре фигуры казались плавающими в облаках.

– Наконец-то! Где тебя носило? – весело крикнул по адресу вошедшей Лели молодой некрасивый медик с веснушчатым лицом и мясистым носом, но с большими умными карими глазами, смотревшими бойко, весело и добродушно.

Забавный хохолок белокурых волос, торчавший над его умным высоким лбом, придавал всему лицу молодого человека не то задорный, не то бесшабашный вид. Плотный, широкоплечий, в расстегнутой тужурке, из под которой алела кумачовая красная косоворотка, с этим бойким, задорным, улыбающимся лицом, Павел Лоранский казался имен-

но тем «рубахой-парнем», каким его справедливо считали окружающие. Совсем противоположным ему был младший брат Граня, сидевший подле матери, полной маленькой добродушной женщины с чудом сохранившимися черными, как смоль, волосами, несмотря на ее преклонные пятьдесят шесть лет. Граня был миниатюрен и строен, как девушка: те же огненно-рыжие волосы, как у сестры Лели, только с более крупными кудрями, обрамляли нежный белый лоб юноши; большие синие глаза, немного вызывающие и гордые, настоящие глаза общего баловня, зорко и насмешливо поглядывали из-под тонких темных бровей. Эти брови при рыжевато-красной шапке волос да тонкий породистый, точеный носик на нежно-розовом почти девичьем лице и составляли главную прелесть красоты Грани.

Валентина, высокая, стройная брюнетка, на первый взгляд, не поражала красотой. Но достаточно было взглянуть в ее матово-бледное, как будто всегда немного усталое лицо, заглянуть в глубь ее загадочно странных зеленоватых глаз под темными ресницами, на ее гордый рот, редко дарящий улыбкой, и невольная мысль прокрадывалась в голову при виде молодой девушки:

«Да, это – какая-то странная, не заурядная внешность, какая-то исключительная красота, богатая не обилием красок, а тайным смыслом, проглядывающим из-под каждой черточки этого бледного спокойного лица».

При виде Кодынцева глаза Валентины, опущенные до того

на тарелку, чуть сощурились. Легкая краска оживила лицо. Она точно похорошела и как бы просветлела сразу.

– Володя! – прозвучал ее грудной нежный голос. – Вот приятный сюрприз!

– Не хотел идти! Я притащила силком! – весело крикнула Лелечка и быстро наклонившись к уху сестры, зашептала с деловым видом: – Пять рублей дали! Понимаешь? Торговалась я... как извозчик!

– Милая ты! – произнесла Валентина, улыбнувшись одними своими зелеными глазами, и подвинула свой стул, чтобы дать около себя место Кодынцеву.

– Не взыщи, брат, что в паровую ванну попал, – со смехом произнес Павел Денисович, дружески хлопнув по плечу Кодынцева. – Это, брат, у нас случается.

– Мама, а все-таки не мешает дверь прикрывать, – вмешался Граня с легкой гримаской, – а то весь кухней пропахнешь... Даже и в гимназии заметили. Василий Никандрович за уроком и то сказал: «Кто это у вас, братцы, луком душился?» Срам. И все на меня посмотрели... как по команде. Чуть не сгорел, ей-Богу!

– Так уж вот сразу и на тебя, – недовольно заметила Лоранская. – Воображение это одно!

– Постойте, мама, – примиряюще заметила Валентина, – правда, неловко, если кухней пахнет... Слушай, Граня, ты у меня духов возьми завтра, как пойдешь. Знаешь, Володины духи, которые он мне на рождение подарил... Только не все,

слышишь... А то ты весь обольешься. Знаю я тебя, пусти козла в огород! – и она улыбнулась, показав частые крупные зубы, сверкающие белизной.

После обеда Валентина отказалась от обычного чая и, сказав всем одно общее «до свиданья», вышла из дома.

III

Валентина шла не торопясь, точно на прогулке, по левой стороне Большого проспекта. Ей не к чему было спешить. Старик Вакулин, у которого она состояла в качестве лектрисы, ждал ее ежедневно к шести часам, а теперь было только половина шестого. Жил Вакулин недалеко, в семнадцатой линии, и Валентина успевала в каких-нибудь двадцать минут попасть к нему из своей Гавани.

Ровно без десяти шесть девушка звонила у большого одноэтажного дома-особняка, окрашенного в мрачную коричневую краску. Тщедушный пожилой лакей с серыми бакенами открыл ей дверь. Валентина поднялась по широкой лестнице, устланной ковром, на круглую площадку, с правой и левой стороны которой было по двери; одна вела в приемную старика, другая в его кабинет, столовую и прочие комнаты. Валентина вошла в приемную – большое мрачное помещение с круглым столом посредине и венскими стульями у стен. Оно напоминало собою приемную врача. Как и в гостиной врача, здесь были разбросаны на столе журналы, небольшие альбомы с видами Швейцарии и стояла массивная лампа в виде рыцаря-воина.

Но Валентина знала, что не стоит пробегать журналы и газеты, потому что ровно через десять минут раздастся звук колокольчика и тщедушный Франц пригласит ее к барину.

Так было всегда, и она успела уже привыкнуть к порядкам старика Вакулина. В первое время своих занятий молодая девушка приходила за полчаса раньше, мечтая также пораньше освободиться, но это не привело к желанному результату: ее впускали только ровно в шесть часов в кабинет хозяина. Вначале эта педантичность раздражала Валентину, потом она к ней привыкла, как привыкла и к самой личности старика Вакулина.

А привыкнуть было к чему. В первый же день их знакомства, когда смущенная новизной положение Лоранская пришла по публикации предлагать свои услуги в и качестве лектрисы, она увидела худого длинного субъекта в бархатном халате. У старика было суровое, недовольное лицо и брезгливо оттопыренные губы. Глаза его под дымчатыми стеклами было трудно разобрать.

– Вы – лектриса? – отрывисто обратился он к девушке и, пронизав ее с ног до головы тяжелым испытующим взглядом, сказал, как отрезал: – Не годитесь.

– Но почему? – вырвалось у Валентины, помимо ее воли с несвойственной ей горячностью.

– Молоды вы... красивы... ветер в голове бродит. О выездах и нарядах, небось, мечтаете. Ну, не годитесь, да и все тут. Были уж у меня такие.

Валентина вспыхнула. Вся ее природная гордость поднялась и запротестовала в ней.

– Да как вы можете оскорблять меня не зная, какова я на

самом деле! – произнесла она строго. – Надо раньше испытать меня, а потом уже изрекать приговор.

Старик опешил. Никто еще не смел разговаривать с ним таким образом. Смелость девушки решительно понравилась ему.

– Ну, ладно, испытаем! – буркнул он себе под нос и сунул в руки Валентине газету.

Валентина читала отлично. Ее грудной звучный голос, так и вкрадывался в душу. Ясная дикция не заставляла желать лучшего. Старик несколько раз одобрительно покачивал головой во время ее чтения и, когда она кончила статью, произнес:

– Спорить не стану, читаете хорошо. Только надо вам сказать, что и те, другие, хорошо читали, а прока из этого вышло не много. Торопитесь, скачет через строки, лишь бы окончить скорее и убежать. А вы так не будете?

– Не буду! – улыбнулась Валентина.

– Ну, вот и хорошо! – неожиданно обрадовался чужак. – А то, что за чтица уж – если как козел скачет. Вас я, пожалуй, возьму, но поставлю вам некоторые условия. Согласны?

– Это зависит от ваших условий – соглашусь я или нет, – отвечала спокойно девушка.

– Ну-с, так слушайте. Во-первых, сидеть спиной к зеркалу, дабы не поглядывать в него каждую минуту, как ваши предшественницы; во вторых, чтобы аккуратно приходило время, терпеть не могу ждать и время терять даром. По-

няли?

– Разумеется! – пожала плечами Валентина. Оригинал теперь больше тешил, нежели раздражал ее.

– Ну, а теперь возьмите «Историю цивилизации» Бокля и читайте мне. Только не громко. Я, слава тебе Господи, еще не глухой.

Этот разговор происходил год тому назад в кабинете Вакулина и теперь почему-то пришел в голову Валентине.

Около года уже она ежедневно посещала Вакулина, не глядя на праздники, еще менее их на ненастные погоды, и вполне привыкла к чудачествам старика. Тем более, что занятия эти увеличивали скромный доход семьи Лоранских.

Резкий звонок напомнил Валентине об ее обязанности. И снова щедушный Франц с серыми бакенами появился на площадке, как бы вынырнув из противоположной двери и бесстрастно произнес:

– Пожалуйте, барин дожидается.

Валентина сбросила на ходу осеннюю пелерину на руки лакея и, миновав гостиную с тяжелой допотопной мебелью, вошла в кабинет.

Старик Вакулин не поднялся даже ей навстречу. Он удовольствовался одним коротким кивком головы. Так они здоровались ежедневно.

– Сегодня будем читать Спенснера! – произнес отрывисто Вакулин, когда она села у стола. – Вы, надеюсь, ничего не имеете против Спенснера, сударыня?

Валентина поспешила ответить, что она ничего не имеет против Спенсера, и, поправив зеленый абажур на лампе, принялась за чтение.

Но едва только она успела прочесть две страницы, как старик забрюзжал:

– Что это вы сегодня охрипли, что ли? Без голоса? По секрету читаете-с. Себе под нос.

– Хорошо я буду громче, – спокойно произнесла Валентина. И тут же повысила свой голос, и без того красивый и звучный.

– Ай-ай-ай! – неожиданно вскричал Вакулин. – Да что вы это, точно с цепи сорвались! Глухой я, что ли? Не кричите-с. Народ соберется, подумают пожар!

– Нет, при таких условиях я не могу читать! – вышла из себя Валентина. – Послушайте, и вам не стыдно так издеваться надо мною? Ведь я должна поневоле сносить ваши капризы, потому что бедная девушка, потому что моя семья нуждается в этом заработке, а вы точно нарочно, смеетесь надо мной. Больше у меня нет сил, кажется, выносить этого! Вот, выйду замуж и избавлю вас от своего неприятного чтения, – с грустью проговорила она.

– Как, выходите замуж? Когда?

– После Рождественского поста, должно быть.

– Да как же вы смели скрыть это от меня!? – всхорхорился старик.

– Я не знала, что должна спрашивать у вас разрешения, –

улыбнулась девушка.

– Разумеется, должны были! И не ваше дело рассуждать об этом! – снова забрызжал Вакулин. – Надо было раньше сказать, так мол, и так, а теперь... теперь вы меня из колеи вышибаете... Нужна новая лектриса... Не люблю привыкать. Глупо это – что вы сделали... очень глупо!

– Ну, а это – уж мое дело, – холодно прервала его Валентина. – А теперь позвольте мне откланяться и пожелать вам всего лучшего, так как и вы, вероятно, не пожелаете меня удерживать, да и я должна откровенно сознаться, не особенно жажду продолжать у вас мою деятельность, так как она меня постоянно раздражает. Вы почти всегда недовольны мною, – и, гордо подняв красивую головку, Валентина с самым решительным видом двинулась к двери.

– Стойте! стойте, вам говорят! – почти в голос завопил старик. – Стойте же! Я согласен терпеть вас, хотя вы и наглумили... Я привык... да, привык к вашей методе чтение... и потом... Да стойте же, вам говорят!

Но Валентина уже не слышала. Она была за дверью. Вакулин, как был, так и остался, ошеломленный, недоумевающий, в своем массивном вольтеровском кресле.

Он привык к своей молоденькой чтице и к ее бархатному голосу, глубоко западающему в душу. Чем-то родным, давно позабытым при первом же знакомстве с ней пахнуло ему в душу... Далекое прошлое вспомнилось ему, как давняя позабытая сказка. И другая девушка, до странности похожая на

Валентину, с таким же гордым, холодным лицом предстала в его памяти. Эта девушка была его родною дочерью. Немного непокорной и своевольной дочерью, но которую он горячо любил. Ее образ снова воплотился в лице Валентины. Вакулину было приятно, глядя на Лоранскую, вспоминать его дочь, умершую в ранней молодости от тяжелой и долгой болезни.

– Гордая, славная девушка! – произнес Вакулин. – Гордая, славная! – повторил он еще раз, и вдруг лицо его исказилось и глаза под дымчатыми стеклами наполнились непрошеными слезами. – Совсем, как моя покойная Серафимочка! Совсем как она! Моя бедная покойная девочка, – прошептал он.

А Валентина не шла, а летела домой. Она была вся поглощена приятным чувством сознания своей свободы. Отныне ее вечера принадлежат ей, она уже не должна бежать к скучному старику и переносить его чудачества и брюзжание. Она может заниматься ролями, серьезно подготовить себя к сцене, поступить на которую мечтает с детства. Несколько раз Валентине приходилось участвовать в любительских спектаклях и всегда очень успешно. Ее бархатный голос и красивая внешность заставляли забывать о неопытной игре юной любительницы. Она много мечтала о том, как бы поступить на настоящую сцену, частью для облегчения жизни родной семье, частью из любви к искусству, которое ее влекло неотразимо. Наконец, брат Павлук выхлопотал ей дебют

в Василеостровском театре, где она будет дебютировать на будущей неделе. Как хорошо! И вдруг она окажется талантливой!.. Володя будет гордиться ею!

«Володя»! При одном воспоминании о нем, сердце Валентины наполнилось тихим радостным сознанием счастья. Впереди все было так определено, ясно и хорошо... Будущая супружеская жизнь с добрым и любящим Кодынцевым, священное служение искусству – это шло дружно, рука об руку в ее мысленном представлении. Неприятный эпизод потери места скрашивался от сознания молодости, сил и счастья. Даже временное лишение тридцатирублевого жалования не казалось более страшным для нее. Ведь она вдвое больше может заработать, сделавшись актрисой! И это сознание успокоило ее.

IV

Весть о потере места Валентиною была встречена совершенно различно каждым из обитателей серого домика.

Мария Дмитриевна мысленно прикинула свой хозяйственный расчет и пришла к невеселому заключению, что по утрам придется брать ситный вместо булок и беличью шубку в приданое Валентины придется сшить только к будущему сезону.

Граня тоже не без разочарованья сообразил, что новые ботинки и перчатки ему не придется получить к гимназическому балу. Положим, Лелька могла бы дать свои, благо руки и ноги у них почти одинаковые, но Лелька бережет перчатки, как зеницу ока, для Валентиной свадьбы, а сапоги у нее с пуговицами, и их не напялишь на бал.

Зато Павлук, услыша новость, заорал благим матом:

– Молодчага, Валька! Наша взяла! Ишь, ведь, отделала старого брюзгу! Бог с ним! Не найдет он другой такой лектрисы. У тебя голос – бархат лионский... А знаете, господа, у этого Вакулина, говорят, деньжищ видимо-невидимо, – деля большие глаза, сообщил он семье. – И сквалыга же он! К нему наш пятикурсник Мухин ходил вместо доктора. У старика сердце не в порядке. Так он ему целковый дал... за визит... Ей-Богу, только целковый. А ведь домохозяин! Домохозяин! Поймите это!

Кодынецев ужасно обрадовался «свободе» Валентины. Теперь он мог без помехи проводить целые вечера с любимой девушкой.

Правда Валентина теперь больше, чем когда-либо отдаст театру, будет штудировать роли, но он не послужит ей помехой в этом деле, постарается даже помочь, чем может, хотя бы проверять ее по репликам, послушать ее читку, подать совет! О! Он так чуток ко всему, что касается Вали, его Вали! И эта чуткость поможет ему быть ей необходимым.

Что же касается самой Валентины, то она была особенно оживлена сегодня. К вечернему чаю пришли два медика, товарищи Павлука, и Сонечка Гриневич, подруга Лели, маленькая быстроглазая блондиночка, с милovidным личиком и удивительно тонким, но симпатичным голоском.

Играли в фанты, в веревочку, в свои соседи. Потом Леля села за разбитое пианино, купленное еще при бабушке, и по слуху сыграла модное «*pas d'Espagne*», в то время, как Сонечка, при помощи Грани, учила этому танцу трех медиков, чрезвычайно похожих по ловкости на медвежат. И все хохотали до упаду.

А Валентина с Кодынецевым тихо разговаривали между собою.

– Валя! Валя! – говорил Владимир Владимирович. – Скажи мне еще раз, что ты любишь меня! Я так дорожу этим!

– Да, я люблю тебя, – отвечала Валентина. – Я люблю тебя, Володя, так хорошо, тепло и радостно люблю. Я знаю, я

странная, я «не будничная», говорил про меня покойный папа, – уже в детстве я была не будничною, Володя. Меня пленяют блеск, шум, слава или богатство, огромное богатство... Мне хочется видеть все, узнать все! Постичь всю роскошь! Меня это манит, как огонь – мотылька. И какое счастье, что этого нет, что нет у меня этой роскоши. Я не была бы тогда такую, как теперь. Я гордая была бы, пожалуй, как Вакулин. Ведь, я очень, очень тщеславная и люблю, когда мною любуются, меня хвалят... Знаешь, – продолжала она после минутного молчание, – что я сделала особенного, что отказалась сегодня от места? А меня это так взвинтило, точно я невесть что натворила. И мне петь, веселиться хочется, прыгать, скакать! Да, да, вашей спокойной, рассудительной Валентине, какую вы все меня считаете, тоже хочется скакать и прыгать. Звуков хочу, веселья, шума, петь, кричать, декламировать...

– Ну и отлично, за чем же дело стало? – подхватил последнее ее слово подвернувшийся Павлук. – Валяй себе... Эй, вы, команда! – прикрикнул он на не в меру расходившуюся молодежь. – Тише вы! Валентина нам сейчас изобразит нечто.

– Валечка! Валентина Денисовна! Валентина, милая! – послышалось со всех сторон и Лелечка, бросив пианино, кинулась на шею сестры.

Валентина вышла на середину комнаты и, скрестив руки и обернувшись к старшему брату, спросила:

– Павлук, как ты думаешь, что мне прочесть?

– «Дары Терека» валяй! «Дары Терека»! Это у тебя так выходит, что хоть мозги в потолок!

– Или «Старую цыганку» Апухтина, – попросила Лелечка.

– Лелечка, – с упреком произнес лохматый медик Декунин, знавший барышень Лоранских еще с детства. – Ну, зачем она вам? Вы сами – воплощение молодости, и вдруг «Старая цыганка»! И потом, неужели же вы Апухтина Лермонтову предпочитаете? А?

Лелечка сконфузилась, залепетала что-то, оправдываясь, но на нее яростно зашикали со всех сторон, потому что Валентина уже начала:

«Терек воет дик и злобен
Меж увесистых громад,
Буре глас его подобен,
Слезы брызгами летят»...

Валентина читала прекрасно, с тем захватывающим выражением, с экспрессией, свойственной только очень немногим натурам. И куда девались ее холодная сдержанность, ее спокойствие! Пред молодыми слушателями стояла новая Валентина. Бледное лицо ее слегка заалело, зеленые непроницаемые глаза сияли теперь горячим блеском. Что-то радостное, сильное и непонятно-влекущее было в ее чудно похоронившем лице.

Молодые слушатели словно застыли, восторженно сиявшими взорами устремясь в прекрасные, горячие, как звезды

ды, глаза Валентины.

И вдруг чей-то незнакомый, чужой голос произнес за ними:

– Как хорошо! Как хорошо вы читали!

И миг сладкий дурман восторга, охвативший молодежь, рассеялся. Сон прошел – наступила действительность. Все разом, как бы по команде, обернулись в ту сторону, откуда слышался голос. В дверях стоял неизвестный молодой человек, лет тридцати, высокий, стройный, белокурый, в безукоризненном сюртуке и изящном жилете. Белоснежные воротнички и манжеты с блестящими запонками, небрежно повязанный галстук, – все в нем поражало особенным аристократическим изяществом. Его светлые глаза спокойно и остро смотрели с бледного лица, обличающего породу. Тонкие губы улыбались смелой, положительной улыбкой. Видя общий переполох, молодой человек с любезной улыбкой отделился от двери и прямо подошел к Валентине, смотревшей еще затуманенными от вдохновения глазами на неизвестного никому пришельца.

– Простите великодушно, – произнес он приятно ласкающим слух мягким голосом, – простите, что неволью оказался непрошеным свидетелем вашего чудного чтения, но так как прислуга, открывшая мне дверь, сказала, что у вас гости, то я рискнул войти без доклада в ваш приемный день.

– «Приемный день»... «Без доклада»! Слышишь? – незаметно подтолкнул Павлук Лелечку, растерявшуюся при виде

такого важного гостя, и юркнул за ее спину, сиюсь удержатъ обуревавшій его смехъ.

– Я – Вакулин! – деля видъ, что не заметилъ общаго смятенія, произнесъ посетитель. – Вы были такъ любезны заимать моего отца въ продолженіи года своимъ дивнымъ чтеніемъ... Нетъ ничего удивительнаго, что мы не встречались, такъ какъ я возвращался домой только къ десяти часамъ, а иной разъ и позднее, тогда какъ вы кончали свои занятія въ девять. Теперь же я являюсь по предписанію отца и решаюсь беспокоить васъ, Валентина Денисовна, только въ силу его усиленнаго желанія.

– Чемъ могу служить? – спокойно спросила Валентина.

– Но позвольте мнѣ сначала представиться обществу, – немного заминаясь, произнесъ Вакулинъ.

– Пожалуйста. Мой братъ Павелъ... Граня... т. е., Герасимъ... – поправила она съ улыбкой. – Сестра... – указала она на пылающую отъ смущенія Лелечку, чуждающуюся всехъ незнакомыхъ, – подруга сестры, m-lle Гриневичъ, наши почтенные эскулапы Навадзе и Декунинъ. Мой женихъ Кодынецъ, Владимиръ Владимировичъ... И все... Вотъ и мама...

Марья Дмитриевна, оповещенная уже Феклой, вышла какъ разъ въ эту минуту изъ столовой со своею добродушною улыбкой навстрѣчу гостю.

Вакулинъ поспешилъ къ ней и склонился предъ ней въ такомъ почтительномъ поклонѣ, целуя ея руку, какъ будто предъ нимъ была знатная барыня-аристократка, а не простая «гаванская

чиновница».

Смущенная, красная, Марья Дмитриевна поспешно «клюнула», по выражению Павлука, Вакулина в надушенную голову и произнесла, захлебываясь от волнение:

– Милости просим, милости просим... Мы всегда гостям рады, батюшка! У нас попросту. Уж не побрезгайте, чайку-с. Милости просим, – и вдруг чуть не вскрикнула, потому что Лелечка, пробравшаяся к ней поближе, умышленно наступила ей на ногу.

– Бог с вами! Бог с вами! – зашептала она, пользуясь минутой, когда гость знакомился с молодежью. – У нас ведь колбаса чайная и холодная корюшка от обеда... А ведь его позвали! Ну, как же можно это, мамочка? Ведь сын домовладельца, богач!

– Ну так что же делать, Лелечка? – растерянно мигая, залепетала старуха. – Ну, скажи Феклуше, чтобы за ванильными сухариками сбегала в немецкую булочную, да морошки подала к чаю!

– Как же! будет он есть ваши сухарики и морошку! А впрочем... – и Лелечка поспешно «нырнула» в кухню.

А гость в это время говорил Валентине:

– Отец просил меня, Валентина Денисовна, уговорить вас вернуться к своим занятиям у него. Будьте снисходительны к старику. Он раскаивается, что был несколько резок с вами. Простите его...

– «Несколько резок?» – усмехнулась Лоранская, и ожив-

ленное, за минуту до того прелестное лицо ее стало снова холодным и устало-спокойным. – Он был непростительно резок, груб со мною...

– Он раскаивается, Валентина Денисовна, уверяю вас. Он большой чудак, мой отец, но золотой души человек. Его все считают скупцом, но он делает втайне много-много добра, – торопливо проговорил молодой Вакулин. – Ваш отказ искренно опечалил его, так как вы знаете, вероятно, что помимо вашего идеального чтения, отцу приятно было ваше общество: вы так поразительно напоминаете ему его покойную дочь и мою старшую сестру – Серафиму. Я был еще мальчишкой, когда она умерла, и не могу судить о сходстве. Но судя по словам отца, это сходство огромное. В вашем присутствии он представлял себе особенно ярко покойную Серафимочку и вы можете себе вообразить, как ему больно поэтому лишиться его... И сегодня, едва дождавшись моего возвращения, старик мой командировал меня к вам с письмом.

И Вакулин вынул из кармана сюртука конверт большого формата, с четко надписанным на нем именем, отчеством и фамилией Валентины, и передал его молодой девушке.

Последняя вскрыла конверт и прочла:

«Не придирайтесь к старику-чудаку и умеете относиться снисходительно вообще к человеческим слабостям. Я успел за год привыкнуть к вашему голосу и методу чтения и, теряя вас, ощущаю большое неудобство. Поэтому предлагаю вам увеличенное жалованье ровно на треть вашего оклада и на-

деюсь на ваше согласие. С уважением – Вакулин».

Валентина кончила и с досадой скомкала записку.

– Передайте вашему батюшке, что мне неудобно это занятие у него и вообще я никогда не возвращаюсь к раз оставленному делу, – произнесла она веско по адресу молодого Вакулина.

Глаза ее холодно блеснули при этом. Алый румянец вернулся на бледные щеки и сделал холодное лицо снова живым и прекрасным.

В эту минуту подбежала Лелечка, успевшая оправиться от первого смущения, хлопотливая и приветливая.

– Валечка, – бросила она сестре, – зови гостя чай кушать!

– Но... – замялся тот, – моя миссия, кажется, окончена, и...

– Ну так что же? Недоразумение, вышедшее с отцом, не должно распространяться на сына, – произнесла Валентина, улыбаясь.

– Прошу пожалуйста! – еще раз радушно пригласила она Вакулина и других и повела их в столовую.

Здесь на чайном столе, на простых фаянсовых тарелках, лежали нарезанная тоненькими ломтиками чайная колбаса, холодная корюшка и стояла сухарница, наполненная доверху теми ванильными сухариками, за которыми успела уже слетать Феклуша в немецкую булочную на «уголок».

Молодежь вначале ужина косо поглядывала на «барина», затесавшегося незванным гостем в их тесный кружок. Но

вскоре первое смущение прошло и языки развязались.

– Ну, что ты вздор мелешь! – громко произнес голос Навадзе с сильным восточным акцентом, очевидно, продолжавшего начатую под сурдинку беседу. – Больно ты нужен в твоём «Куринкове»!

– Не скажи... – протестовал Павел Лоранский, – не скажи, брат, там, во всяком случае нужнее, чем в другом месте. В деревне докторов нет. Каждому рады будут. Дайте мне кончить только, дайте крыльям отрасти – махну я в самые дебри, и ни тиф, ни холера, ничто такое повальное у меня в округе не прогостит долго. Ручаюсь!

– Что это ваш брат в провинцию собирается? – спросил Вакулин Валентину.

– Не говорите, батюшка, – вмешалась Мария Дмитриевна, услышав вопрос гостя, – не говорите, спит и бредит захолюстьями разными. В самую-то глушь его тянет!

– По призванию? – сощурился гость в сторону Лоранского.

– По призванию, потому что выгоды тут ожидать не приходится, – спокойно ответил Павел. – А вас это удивляет?

– Признаюсь, да! – отвечал Вакулин. – Вы еще так молоды, юны!

– Павлук наш – урод нравственный, – неожиданно поднял голос шестнадцатилетний Граня, – он с десятилетнего возраста бескорыстно хромоногих кошек лечил, которых, по моему, топить следует...

– Молчи ты, мелюзга! – презрительно-ласково осадил его старший брат, – молчи о том, чего не разумеешь... Нет, знаете, – обернулся он снова в сторону Вакулина, – я, действительно, урод, должно быть. Тянет вот меня туда, в глушь, к серым людям, лечить их немощи... Тянет, да и все тут. И не по доброте, заметьте. Доброта у меня еще вилами по воде писана – я нищему никогда не подам, потому что знаю, от моего гроша сыт он не будет, а просто потребность... Вот, как у Лельки потребность всех корюшкой кормить и пуговицы пришивать, – лукаво подмигнул он на младшую сестру, вспыхнувшую, как зарево, – так вот и у меня тяготение к серому рваному люду, находящемуся на самой низкой ступени общественного развития. Хочется мне к этим детям природы махнуть... да и помочь их телесному и нравственному запустению.

– И это вас удовлетворит?

– Что, то есть? Принесение пользы рваным сермягам, полудикарям захолустья? Да, это за цель своего существования, за прямое свое назначение считаю! Ведь сколько пользы-то принести можно! Ведь, молод я, молод, поймите! Все еще впереди меня... Правда, Володька? – неожиданно прервал себя Павлук, встречаясь глазами с ласково сиявшим ему взглядом Кодынцева.

– Верно, Паша! Верно, голубчик. Давай твою лапу скорее!

– Обе, – протягивая к будущему шуину свои загрубелые сильные руки, – произнес со смехом Лоранский.

– А вы... не разделяете его мнения? – спросил Вакулин у мрачно насупившегося Навадзе.

– Не совсем, – ответил армянин своим гортанным голо-сом, – я сам жажду приносить пользу. Для того и приехал сюда с моей родины, из моей маленькой Армении. Приехал оттуда, чтобы вернуться туда снова с большим запасом зна-ния. Но не вижу надобности залезать в недра самые отдален-ные, когда кругом тебя есть тысячи нуждающихся в твоей помощи.

– А я понимаю Павла! – произнес Кодынцев. – Он знает, что и вы, Навадзе, и вы, Декунин, – кивнул он другому сту-денту, не принимавшему участие в разговоре, – и Граня – все вы выберете ближайшие по возможности пункты и нико-го из вас не потянет «по собственному влечению в недра», как выразился Навадзе. А по указанию свыше туда ехать – уж это выходит особая статья. Стало быть, надо ехать Пав-луку и десятку других, ему подобных...

– Спасибо, Володя! Спасибо, братец, поддержал, – обра-довался такому заключению Павлук.

– Вы учились декламации? – спросил, переменив тему разговора, Вакулин, обращаясь к Валентине.

– Нет... А что?

– Вы читаете бесподобно, как актриса.

– Да она и есть актриса, – неожиданно вмешался Павел Лоранский, – до сих пор – любительница, в пользу студен-тов и курсисток не раз выступала. А в будущее воскресенье

дебютирует в качестве профессиональной актрисы в Василеостровском театре.

– В самом деле? – произнес Вакулин. – Это интересно!

Что-то недоверчиво послышалось в возгласе Вакулина, что задело за живое всех сидящих за столом. Сама Валентина вспыхнула до корней волос.

– Что вас так удивляет? Что в нашем медвежьем углу есть доморощенные таланты? – спросил Павел, с чуть заметной иронией.

– О, помилуйте! В таланте Валентины Денисовны я не сомневаюсь! – заторопился Вакулин. – По крайней мере, судя по тому, что я слышал час тому назад...

– Ну, по тому, что слышали, еще судить нельзя: декламация – одно, сцена – другое! – вмешался Кодынцев.

– Валентина талантлива! – произнес безапелляционно Граня. – Хотите убедиться, я вам билет пришлю на ее дебют. Пьеса хорошая! Прекрасная пьеса.

– Очень обяжете! – поклонился Вакулин и тотчас же добавил с любезной улыбкой в сторону Валентины: – Не сомневаюсь, что вы украсите спектакль своим участием.

Гость посидел еще минуты две, потом извинился и стал прощаться.

В дверях он задержался немного и, обращаясь к Валентине, сказал:

– А может быть, вы измените ваше решение по поводу отца... Может быть, осчастливите старика своим возвращени-

ем к старому занятию, Валентина Денисовна?

– Я никогда не возвращаюсь назад! – произнесла она отчетливо и, кивнув головой гостю, вернулась к молодежи.

Вакулин отвесил почтительный поклон и вышел.

– Уф! – вырвалось облегчающим вздохом из груди Павлука, – наконец-то! А манишка-то, манишка! Видали? А ногти какие? Вот делать-то кому нечего, должно быть!

– Э, Бог с ним, давайте плясать лучше. Лелька! Марш за рояль! – скомандовал Граня. И молодежь с шумом повскакала со своих мест и закружилась по маленькой гостиной.

* * *

Марья Дмитриевна, Валентина и Лелечка долго не спали в эту ночь. Из своей крохотной комнатки в одно оконце, выходящее на залив, Валентина пробралась к матери и сидела на их общей широкой постели, поджав под себя босые ножки.

– Ведь я хорошо сделала, что отказалась возвращаться к этому привереднику, как вы думаете, мама? – шепотом спрашивала она утонувшую среди груди подушек Марью Дмитриевну.

– Как тебе, деточка, удобнее, так и поступай! – уклончиво отвечала та, не без тайной грусти вспомнив о внезапно утерянной статье тридцатирублевого месячного дохода.

– А по-моему, Валя права! – как бы угадывая тайные мысли матери, вступилась Лелечка. – Гордость прежде всего!

Вот еще! Богач он, так и издеваться над бедными может!.. Молодец Валентина, люблю таких! – и она звонко чмокнула сестру в самые губы.

– Да дадите ли вы, наконец, спать, сороки неугомонные? Ведь завтра на лекцию ни свет, ни заря надо! – раздался недовольный голос Павлука, спавшего за дощатой перегородкой вместе с братом, в гостиной.

– Самому не спится, а другие мешают, видите ли! – бойко отрезала из-за стенки Лелечка.

– Корюшкой только кормить умеешь! Уж ты молчи, стрекоза!

– Ну, вас, горластые! – послышался недовольный сонный голос Грани, – к завтра латыни не готовил, вставать рано надо, а они трещат!

– Гране вставать рано! Слышите? – озабоченно произнесла Марья Дмитриевна. – Спице с Богом, дети, завтра наговоритесь!

Шепот прекратился. Дети улеглись...

Через полчаса мирный храп наполнял все уголки серого домика.

V

Скромный маленький Василеостровский театр был набит битком публикою. Этому способствовали отчасти и праздничный день, и дебют молодой актрисы, «Валентины Денисовны Лоранской», как гласила розовая афиша, наклеенная у входа. Преобладали по большей части студенты, курсистки, приказчики, изредка мелькал скромный сюртук армейского офицера. Кое-где чернели в своих форменных курточках гардемарины и кадеты морского корпуса. Все это непременно болтало и смеялось, рассаживаясь по местам и весело приветствуя знакомых.

Десятка два медиков столпились около входа в партер, окружив Павла Лоранского и нетерпеливо поглядывая на сцену. Павлук казался озабоченным. Он, видимо, волновался за сестру.

– Что, Володя, – поймал он за рукав шедшего из-за кулис Кодынцева, – волнуется она?

– Уж и не говори! – махнул рукою тот. – Лелечка меня уже в аптеку за валерьянкой посылала. Ты бы ей брома пред театром дал!

– Ну, вот еще вздор! Валентина и бром! Не вяжется как-то. И чего волнуется, как девчонка, право! Надо пойти... – и, пожав плечами, Павлук энергично двинулся за кулисы.

– Посторонним вход воспрещается! – остановил его у са-

мой двери внушительного вида сторож.

– Какие такие посторонние! сестра моя там! – завопил Лоранский и, отстранив бдительного стража с дороги, прошел за кулисы.

Валентина сидела перед зеркалом в отведенной для нее маленькой уборной, одетая в ярко-красную шелковую кофточку, сшитую совместными усилиями ее и Лелечки. Гладкая, с небольшим треном, песочная юбка сидела на ней, как влитая. Ради условий сцены нужно было загримироваться. Но Валентине не хотелось портить красками лицо и она только провела тушью под глазами и усилила этим их темную глубину, оставив бледными щеки. Но от этого грима получилось нечто чужое в красивом лице. Этому способствовала немало измененная прическа из ее высоко поднятых густых, черных волос.

Павлук вошел и замер на пороге.

– Что ты? – проронила Валентина по адресу вошедшего брата, устремившего на нее восхищенный взор.

– Ах, шут возьми! – произнес он растерянно, – и Валька и не Валька как будто! Ну, и тип же у тебя! Скажу без лести, брат... молодчина!

– Правда? Правда? – полувопросительно, полуутвердительно произнесла Лелечка и, как девочка, запрыгала на одном месте и захлопала в ладоши.

Валентина заглянула в зеркало и по ее красивому лицу проскользнула самодовольная усмешка. Потом брови сдви-

нулись и она сказала озабоченно:

– У меня четвертый акт не выходил на репетиции! Неприятно.

– Брось, все как нельзя лучше выйдет! Ты не трусь только! В этот миг Граня появился на пороге уборной с великолепной палевой розой в руках.

– Это тебе от Володи! – произнес он торопливо.

– Ах, он милый! – произнесла Валентина и понюхав цветок, приколола его к груди.

Послышались первые звуки оркестра.

– Уходите, уходите! – накинулась Лелечка на братьев, шуточно выталкивая их из уборной. – Валин выход из первых. Спешите на места, чтобы не пропустить ни одного словечка!

Молодые люди покорились со смехом, звучащим, однако не совсем естественно: братья волновались за сестру, потому что маленькая семья Лоранских билась одним пульсом и жила одними общими интересами.

На пороге они столкнулись с высоким худым старичком, трагиком труппы.

– А-а! – радостно протянула ему навстречу руку Валентина. – Как я рада, что вы пришли!

– Я не мог не прийти, детка! – произнес старый актер. – Я, как истинный жрец искусства, считаю своим долгом благословить каждую или каждого, вновь вступающего в его священный храм. Я благословляю лишь талантливых, Валенти-

на Денисовна, потому что сцена и так ломится под напором бездарностей, годных быть ремесленниками, но не артистами. Благослови вас Бог, детка! – произнес он торжественно. – Несите высоко знамя искусства, Валентина Денисовна, работайте, трудитесь, потом и кровью создавайте роли... Добивайтесь совершенства и Боже вас упаси играть ради безделья, скуки, ради выставки красоты и нарядов. Я первый тогда отвернусь от вас, как теперь первый протягиваю к вам благословляющую руку.

– Михайло Михайлыч! – произнесла Валентина дрогнувшим голосом. – Сестра – свидетельница, – и она обняла Лелечку, – что я исполню ваше желание. Я вам даю эту клятву.

– Ну, тогда с Богом! – и старик Сергеев (фамилия трагика) с отеческой нежностью перекрестил и поцеловал Валентину.

И Лелечка увидела нечто, чего не видела никогда: прекрасные всегда спокойные глаза ее сестры были полны слез. Гордая, спокойная Валентина плакала впервые.

В этот вечер шла увлекательная захватывающая своим сюжетом драма одного из модных писателей.

Пленительный, странный и загадочный характер героини вполне отвечал данным Валентины, и потому, когда последняя, с убитым горем лицом, вышла на сцену, узнав только что о разорении горячо любимого отца по ходу пьесы, театр встретил молодую девушку громким взрывом рукоплесканий.

И Валентина как-то разом наэлектризовалась при первом

же звуке этого приветствия. Легкая краска естественного румянца заиграла на лице девушки, оживляя его...

Лелечка, сидевшая в третьем ряду кресел, вся похолодела от ожидания.

– Господи, Господи! вывези! Валюша, голубушка! – лепетала она беззвучно одними губами и поминутно взглядывала на своего соседа, Граню.

Окружающая публика с удивлением оглядывала рыженькую девушку с короткими кудрями и возбужденным личиком.

– Родственница дебютантки! – снисходительно произнес какой-то студент позади кресла Лелечки.

– Сиди смирно, Лелька! – сердито буркнул Граня. – Что за охота срамиться: смотрят ведь.

Но Лелечка притихла и без него, потому что Валентина заговорила.

И точно не Валентина заговорила, а кто-то другой, обладающий нежным бархатистым контральто, с чуть вибрирующими верхними нотами. По крайней мере, ни Лелечка, ни братья ее не подозревали, что может сделать акустика театра с красивым, звучным голосом их сестры.

И играла Валентина горячо, искренне, с тем неуловимым отпечатком индивидуальности, который так дорог в каждом талантливом человеке.

Измученная до последней степени своими заботами и печали, героиня пьесы достигла той точки душевного отчая-

ния, когда остается одно – удалиться от мира и уйти в монастырь. И это все движение души особенно ярко вылилось в исполнении Валентины.

Так именно передавала роль Валентина и это выходило прекрасно.

Публика неистовствовала, как может только неистовствовать публика с неиспорченным вкусом и здоровыми требованиями: стучали каблуками, хлопали до мозолей на руках, кричали до хрипоты. И Валентина выходила на авансцену в каком-то сладком дурмане, потрясенная и взволнованная и еще более красивая в этом несвойственном для нее волнении.

В уборной ее уже ждали свои: Леля, Павел, Граня и Кодынцев.

Лелечка, лишь только вошла Валентина, бросилась ей на грудь со слезами, лепеча совсем по-детски, растерянно и пылко:

– Милая! милая! Господи! как хорошо! Я плакала! Валечка! прелесть! восторг мой!

– Да ты и теперь плачешь, – насмешливо прищурился на нее Павлук и потом взял руку Валентины и галантно приложился к ней, произнеся с комической важностью: – Моя великая сестра! прими лобзанье твоего не великого брата!

Кодынцев молчал. Но его сияющие глаза с таким красно-речивым восторгом были устремлены на лицо невесты, что Валентине не надо было никаких излиятий с его стороны:

она и без них видела, как горд и счастлив ею ее Володя. И не только он, а и все ее гордились ею, Валентиной; даже сдержанный Граня и тот не удержался от похвалы:

– Молодец! Жаль, что мамы нет в театре... А знаешь, – добавил он, слегка нахмурясь, – Вакулин здесь.

– Старик?

– Нет, молодой! В первом ряду сидит. Важно!

– Как он явился? Ведь, ты ему не послал билета, – взволновалась Валентина.

– Купил в кассе, благо сие не возбраняется, – рассмеялся Павел. – Да ну его! Не нравится он мне что-то. И любезен он с нами точно по-нарочному. Точно всей своей вылуженной особой сказать хочет, вот-де, мол, я какой: богач знатный, а с вами не гнушаюсь, бедняками, компанию водить, и даже, как видите, любезен. Неприятный он господин, к нам не подходит... А вот еще гость к тебе жалуется, Валентина, – добавил он весело.

Все обернулись к двери. На пороге ее стоял Сергеев. Его лицо так и сияло. Он протянул обе руки дебютантке и голос его дрогнул, когда он произнес задушевно:

– Спасибо, детка! Не обманулся в тебе. Большая актриса из тебя выйдет. Только работать, работать, как батрачке, надо. Слышишь? Работать, как батрачке, а играть, как богине! Поняла? А то дядя Миша Сергеев и знать тебя не захочет!

Радостная улыбка заиграла на гордом красивом лице Валентины. Даже неприятное известие о присутствии молодого

Вакулина, переданное Граней, как-то разом стушевалось при этой похвале строгого ветерана сцены. Ей хотелось еще раз подтвердить во всеуслышание, что отныне становится верной и чистой служительницей искусства, хотелось поблагодарить за участие, за похвалы, хотелось расцеловать Сергеева, – и она ничего не могла ни говорить, ни сделать, а только сияла своими необыкновенными глазами, ставшими теперь прекрасными, как никогда, и оглядывала все эти милые, близкие ей лица с таким радостным торжеством, с таким счастливым возбуждением, что ее счастье передавалось и всем им. Веселый молодой смех особенно звонко звучал в маленькой уборной и оборвался только тогда, когда раздался звук колокольчика, возвещавшего об окончании антракта. Молодежь поспешила в партер, Сергеев – к себе в уборную. Лелечка замедлила у порога и, когда все скрылись за дверью, она порывисто обняла одной рукой старшую сестру, другой быстро перекрестила ее и птичкой выпорхнула за порог уборной.

Второй акт подействовал на публику еще более сильно, нежели первый. Наэлектризованная общими похвалами Валентина, получившая уже некоторый апломб благодаря шумным овациям после первого акта, играла еще с большей уверенностью и подъемом.

Когда она окончила свой монолог среди акта, в маленьком Василеостровском театре стало внезапно тихо-тихо, как в могиле. Но только на минуту, на одну минуту, – потом

оглушительный взрыв аплодисментов наполнил, казалось, все его уголки и закоулки.

Последний акт Валентина играла, как во сне, благо в последнем акте не требовалось ни подъема, ни силы. В нем, по ходу пьесы, героиня встречает, после целого ряда горестей, неудач и борьбы с нуждой, прекрасного, доброго и великодушного человека, не пренебрегшего ее бедностью и предложившего выйти за него замуж.

И Валентина блестяще закончила красивой и спокойно-лирической сценой свою роль.

В том же блаженном сне, после окончания спектакля, она вышла, окруженная своими, на театральный подъезд, где неистовствовала кучка особенно рьяных поклонников и поклонниц, приобретенных Лоранской в этот вечер.

На улице было темно и промозгло. Шел дождь. Лелечка торопила всех домой, где Марья Дмитриевна не решившаяся ехать в театр, благодаря страшному волнению за дочь, ждала с нетерпением известия о результате дебюта. Но извозчики были все расхвачаны вышедшей заблаговременно публикой и ни одного не осталось для барышень Лоранских. Наконец Граня с Павлуком разыскали где-то у 16-й линии сонного «ваньку» и подъехали на нем к театру. Но тут Валентина энергично запротестовала. Ей, не остывшей еще от своего нервного возбуждения, не хотелось трусить на скучном «ваньке». Она предпочитала идти домой пешком с Кодынцевым.

– Да побойся Бога, ведь, дождь идет! – сокрушалась Лелечка.

– Не сахарная, не растаю! – усмехнулась Валентина и настояла на своем, по обыкновению.

На извозчика усадили Лелечку и Граню. Павлук поспешил домой в обществе трех приглашенных им «на чаепитие» товарищей медиков, в том числе и Навадзе. Валентина раскрыла зонтик и, взяв под руку жениха, двинулась по знакомому ей тротуару по направлению к Гавани.

Не успели молодые люди сделать и пяти шагов, как их обогнала щегольская пролетка с сидящим в ней молодым Вакулиным.

– Доброй ночи! – услышали они знакомый голос. И Вакулин птицей промчался мимо них.

На минуту нехорошее чувство зависти захватило Валентину.

«Ведь вот, богат, знатен, на каких рысаках разъезжает, – вихрем промелькнуло у нее в голове, – а мы с Лелечкой, Павлуком, Граней и моим Володей должны на конках ездить и редко, редко в виде исключения позволять себе такую роскошь, как плохой извозчик. А между тем мы ничем не хуже и не глупее этого важного барина. Почему же так несправедливо распорядилась судьба?!»

И в ту же минуту она с отвращением прогнала нелепую мысль.

«Неблагодарная я, неблагодарная! – возмущенно укоряла

себя Валентина. – Мне ли завидовать другим? Я ли не избалована судьбою!»

«Какой успех был у меня сегодня! И дебют удачный, и в театр приняли, и все так хорошо, отлично складывается. И мы с Володей так любим друг друга!»

– Ах, как я счастлива, милый, милый Володя! – неожиданно вырвалось из груди девушки и она крепко пожала руку своего жениха.

Тот ответил ей не менее крепким пожатием. И в его сердце цвела светлая надежда на радостное, счастливое будущее. И в то же время память подсказывала Кодынцеву то недалекое милое прошлое, тот чудный день, когда любимая девушка отдала ему свою душу. Он давно любил Валентину. Любил еще в ту пору отроческих лет, когда куцым гимназистиком бегал к своему другу детства Павлуку Лоранскому готовить с ним совместно уроки. Тогда уже высокая, стройная зеленоглазая девочка заставляла как-то особенно биться и трепетать его отроческое сердчишко. Потом уже позднее, в свою бытность студентом-универсантом, он посещал серый домик часто-часто, благо он со старушкою-матерью жил по соседству. С трогательным участием смотрел он на кончавшую гимназический курс Валу, поклоняясь ей, как только рыцарь мог поклоняться своей даме, робко, с полным забвением самого себя. Старушка-мать одобряла эту чистую любовь ее Володеньки; она чуть не с пеленок знала сестер Лоранских, и серьезная, спокойная Валентина вполне отвеча-

ла требованием старушки, хотя хлопотливая семейственная Лелечка, с детства проявлявшая все способности рьяной семьянинки, как-то больше располагала в свою пользу Екатерину Степановну Кодынцеву, нежели несколько апатичная к будничной обстановке старшая сестра. Но ее ненаглядный Володенька любил Валентину, а не Лелечку, а старушка привыкла уже благоговеть пред выбором своего единственного сына.

Кодынцев отлично помнил тот счастливый день, когда его до тех пор молчаливая любовь к Валентине нашла, наконец, возможность высказаться перед ней. Это было в самой середине мая, когда все домики Галерной гавани буквально утопают в липовых и яблоневых цветах, распространяющих вокруг себя чудесный медвяный аромат. Он тогда уже ходил на службу около года и был отчасти обеспечен ею. Валентина, сама по себе, принадлежала к разряду трудовых девушек, и потому Кодынцев рискнул заговорить с ней о свадьбе.

Вышло это так неожиданно и хорошо.

Они читали автора, входившего только что в силу, и умиленные красотой его творений, сердцами слились в одном общем восторге перед захватившей их красотой. И сердце Кодынцева забилося еще сильнее, когда, отбросив книгу на скамью, на которой они сидели, закрытые ветвями развесистой яблони, осыпавшей их, как снегом, своими белыми лепестками, он взволнованно сказал:

– Я люблю вас, Валентина!.. давно люблю. Хотите быть

моей женой?

Она не вспыхнула, не изменилась в лице. Она, казалось, преждевременно знала, что так должно было случиться. И так же прост и ясен был ее ответ, когда она произнесла спокойно:

– Да, Володя, потому что я тоже люблю вас.

И потом началось счастье, в которое даже верить боялся Кодынцев. Правда, бывали минуты страха за будущее. Страшно было подвергнуть любимую девушку каким бы то ни было лишением. Ему хотелось окружить Валентину богатством, и так как этого было нельзя, заработок молодого человека был еще слишком скромным, то Кодынцев омрачался невольной, негодуя на свою «бедность». Но от малейшей ласковой улыбки его невесты в нем снова расцветало счастье и снова, как и сейчас, припоминались цветущий май, белая, как невеста под венчальною фатою, яблоня и красивая, стройная девушка, так доверчиво и просто отдавшая ему свою руку на целую жизнь.

Эти думы о недавнем прошлом и сейчас овладели мыслями и сердцем Владимира Владимировича. Валентина, его талантливая прекрасная Валентина, только что приведшая в восторг весь театр, принадлежала ему, ему одному! Она – его невеста, его будущая жена. Кодынцев почти задыхался при одной думе об этом счастье и все крепче и крепче прижимал к себе руку Вали, доверчиво покоившуюся на его руке. А девушка, и не подозревая его мыслей, говорила, говорила

без умолку:

– Ты рад за меня, не правда ли? Володя? А мама-то как рада будет, подумай! Тридцать рублей потеряли, а семьдесят пять приобрели. И не скучным, неприятным занятием у брюзги-старика, а свободным, вольным, любимым! Ах, как хорошо! «Работай, как батрачка, а играй, как богиня!» – сказал Сергеев нынче. Прекрасно он это сказал, Володя! Да, именно, «как богиня!» Чтобы эта усидчивая работа батрачки была незаметна для глаз публики. И тогда это будет хорошо! Чудесно! Думал ли ты, Володя когда-нибудь, что твоя жена будет настоящею актрисою?

– Милая! – мог только произнести Кодынцев.

Теперь они уже не шли вперед, а стояли друг против друга на панели, молодые, счастливые, улыбаясь друг другу радостною улыбкою, не замечая дождя и ветра.

И вдруг неожиданный звук, протяжный и страшный, похожий на стон какого-то неведомого чудовища, потряс воздух и, прокатившись над проспектом, замер на дальней окраине города.

Валентина вскрикнула, пошатнулась и лицо ее из возбужденного, розового разом сделалось мертвенно-бледным.

– Что ты? – поддерживая ее, произнес Кодынцев. – Это сирена... морская сирена. Успокойся, дорогая!

– Да... да!.. морская сирена! – как-то машинально произнесла она упавшим голосом. – Я! Там гибнет судно, должно быть, – помолчав немного, добавила она. – Там несчастье...

Какой ужас!

– Да ужас, потому что вряд ли им кто-нибудь поможет в эту бурную ночь. Как странно, одни люди счастливы, другие гибнут в то же самое время.

И они оба затихли и присмирели сразу.

– Добраться бы скорее домой и мигом ложись спать. Не сиди с гостями, ты так утомлена, – после долгой паузы произнес Кодынцев.

– Не буду! Мне завтра на репетицию надо, – согласилась Валентина и теперь печально смотрели за несколько минут до этого ее оживленные глаза.

Ужасное сознание, что в бушующем заливе гибнет судно и криком сирены взывает о помощи, потрясло молодых людей. От их недавнего оживления не осталось и помину.

Дома все были взволнованы в ожидании их.

Марья Дмитриевна крепко расцеловала Валентину, гости выпили за ее новую карьеру, и девушка ушла к себе.

Но спать она не легла. Ей хотелось только уединения, покоя. Вся душа ее еще трепетала каждым фибром, то переживая сегодняшней успех, то томилась воспоминанием о погибающем судне. Она подошла к окну. Залив пенился и шумел. Волны с упорной настойчивостью наскакивали на отлогий берег, подхлестываемые ветром. Что-то угрожающее и роковое было в картине расшвиравшей стихии. Валентина, стоя у окна и не отрывая от моря глаз, продекламировала негромко, но с экспрессией:

«Терек воет, дик и злобен,
Меж увесистых громад,
Буре глас его подобен,
Слезы брызгами летят...»

– Что это я? – остановила самое себя молодая девушка с улыбкой. – Терек, а властное, жуткое чудовище... изменчивая и роковая стихия, приносящая столько горя людям... Это судьба... Судьба и море, море и судьба! Не одно ли это целое? Две сродные стихии! Однако, философию в сторону! Надо лечь и постараться уснуть.

И, отойдя от окна, молодая девушка стала медленно раздеваться.

VI

На репетицию на другой день Валентина не попала; как и не сомкнула всю ночь глаз вместе со всеми остальными жителями гавани. Ровно в два часа ночи раздался над спящим Петербургом залп пушек, возвещающий о наводнении. По первому залпу жители нижних этажей должны были перебраться в верхние, и началась невообразимая суматоха по всем районам мирной в обычное время окраины. Из нижнего этажа перетаскивали вещи в верхний, если таковой находился в маленьких, по большей части, домиках; если же нет, размещались у ближних соседей, знакомых и незнакомых, благо несчастье сближало людей... Во время наводнения все жизни маленькой Галерной гавани бились, казалось, одним общим пульсом.

Семья Лоранских перебралась в верхний этаж к жильцам, снимавшим у них две маленькие комнатки антресолей. Старичок-капитан в отставке, маленький старосветский человек в военном сюртуке с поперечными погонами, и его невзрачная толстушка-жена, с утиным носом, не знали, как принять и куда посадить хозяек, к которым они очень благоволители.

Скоро присоединились к ним и Кодынцевы, мать с сыном, не имевшие у себя дома пристанища в виде верхнего этажа. К трем часам раздался второй залп. Вода выступила из бе-

регов и медленно текущей темной лавой поползла по улицам, покрывая своей пеленою все площади, улицы и переулки Гавани. Она прибывала не часами, а минутами, и жутко было смотреть, как эта сверкающая при легком освещении фонарей темная лава бежала все вперед и вперед, словно живая, гонясь и настигая кого-то. Ветер рябил и гнал эту темную непроницаемую массу воды, наводнившую Гавань и казавшуюся целым морем из окон серого домика. Из нижнего этажа поспешно перетаскивали узлы с платьями, белье и более хрупкие вещи, боявшиеся сырости. Марья Дмитриевна сокрушенно вздыхала, мысленно подсчитывая убыток, приносимый каждый раз таким наводнением.

Валентина, Лелечка с братьями и Кодынцевым помогали Фекле таскать вещи снизу. Потом, когда уже переносить было нечего и внизу, кроме громоздких вещей, ничего не оставалось, Павел Лоранский велел сторожу Тарасу, служившему сразу при четырех домах в качестве дворника, готовить лодку.

Марья Дмитриевна вздрогнула и перекрестилась: она знала, что означало это приказание; она знала, что ее отважные сыновья с прочей молодежью, когда вода поднимается до уровня первых этажей, поедут помогать спасаться тем, кто не успел спасти себя и имущество. И каждый раз, когда Павлук отдавал это приказание Тарасу, сердце бедной женщины сжималось от боли. И все же у нее не хватало духа остановить их, умолять не подвергаться опасности.

Павлук, Граня и Кодынцев уехали. Старый капитан присоединился к ним. В сером домике остались одни женщины. Они сошлись в тесный кружок и говорили шепотом. Изредка с моря долетали до них протяжный и жуткий звук ревущей сирены да плеск воды, поднимавшейся все выше и выше с каждой минутой.

Валентина зябко куталась в платок и, приткнувшись у окна, смотрела в бушующую стихию, прямо в море, зловеще вздымающее свои тяжелые волны. Слабые отблески набережных фонарей позволяли ей видеть бушующую стихию. И Валентина без всякого волнения и страха смотрела на нее. Ей за ее еще коротенькую молодую жизнь пришлось видеть не раз подобные передраги. Ей было только страшно за других, близких и чужих, находящихся сейчас за стеной дома.

А три старушки оживленно шептались на животрепещущую тему о наводнении. Они все были там, на затопленных гаванских улицах в небольшом ящике с четырьмя отважными пловцами. ИИ Лелечка, присоединившаяся к их кружку, поминутно вздрагивала при каждом новом порыве ветра, набожно крестилась и шептала:

– Господи, сохрани! Господи, не попусти!

Уже при первом брезженье рассвета, когда прояснилась черная полоса неба и воды и под влиянием осеннего утра приняла мутный, серый оттенок, домик Лоранских весь содрогнулся от неожиданного толчка.

Женщины разом вскочили с мест и устремились к двери,

за которой слышались громкие голоса и тяжелое хлюпанье ног по воде.

– Г-жа Лоранская здесь? – послышался чей-то запыхавшийся голос. – Валентина Денисовна Лоранская?

– Я! – откликнулась Валентина и открыла дверь.

На лестнице стояла высокая фигура в непромокаемом плаще, с наброшенным поверх шляпы таким же капюшоном. Вода текла по клеенке и медленными тяжелыми каплями скатывалась вниз.

– Валентина Денисовна! – произнес дрожащим голосом пришедший, – простите, что вторично непрошено являюсь к вам. С моим отцом случилось несчастье. Он спасал от наводнения соседей и получил смертельный ушиб головы. Старик при смерти и очень просит вас к себе. Надеюсь, вы не откажете умирающему, как некогда отказали здоровому.

Вакулин сбросил с головы капюшон и стоял теперь перед Валентиной, бледной от пережитого волнения, с дрожащими губами на так недавно еще гордом, самодовольном лице.

Валентина смотрела теперь в это взволнованное лицо и не ощущала уже больше недавней неприязни к молодому человеку.

Оно совершенно исчезло из сердца девушки, доброго и отзывчивого по натуре, при виде чужого горя.

Она задумалась на минуту. Пред ее мысленным взором промелькнуло недовольное, брезгливое лицо, непроницаемые глаза под дымчатыми стеклами, вся фигура Вакули-

на-отца, никогда, однако, не возбуждавшего в ней ни гнева, ни отвращения, а тешившего ее скорее своими чудачествами, – и она ответила ожидавшему ее ответа молодому человеку:

– Я согласна. Едем.

– Я на лодке с двумя гребцами, – проговорил он отрывисто. – Иначе не проберемся. Таким же способом пришлось доставить и доктора к отцу. Но не бойтесь, безопасно вполне. Уже светает.

И, прежде чем Валентина могла опомниться, он схватил ее руку и поднес ее к губам.

– Валечка! побереги себя, родная! – напутствовала дочь Марья Дмитриевна, суетливо застегивая на ней драповую кофточку и обвязывая голову и грудь молодой девушки большим черным платком. – Уж вы, батюшка, мне ее обратно предоставьте! – чуть ли не со слезами просила она Вакулина.

– Будьте покойны. Что бы ни было, Валентина Денисовна сегодня будет здесь... что бы ни было! – умышленно подчеркнул он и скрылся за дверью следом за молодой девушкой.

А буря бушевала и злобствовала по-прежнему. Весь дворик и сад серого домика и окружающие улицы представляли из себя одно сплошное водное пространство. Торчащие из него дома и деревья казались частыми островками самых разнообразных и прихотливых форм. Что-то таинственно-жуткое было в этой беспредельности водной стихии, сли-

вавшейся воедино с другой стихией, еще более страшной в своей рокошущей бурливости.

У крыльца Лоранских, т. е., на том месте, где должно быть крыльцо, затопленное теперь водою, покачивалась лодка с двумя дюжими парнями; в одном из них Валентина узнала кучера Вакулиных.

– Садитесь скорее, не то оторвет, – командовал Тарас, стоя по пояс в воде и силясь удержать ялик за веревку.

– Вас придется перенести! – тихо сказал Вакулин своей спутнице, – иначе вы не попадете в лодку.

И, прежде чем Валентина могла ответить, он легко приподнял ее с лестницы и передал одному из сидевших в лодке парней. Девушка поместилась на корме и обеими руками ухватилась за края ялика.

Юрий Юрьевич ловко перепрыгнул туда же. Лодка усиленно закачалась. Тарас опустил веревку, и они поплыли.

Вода впереди, вода сзади, вода с боков, – вот все, что окружало теперь Валентину. В этой воде теперь барахтались лошади, пролетки, ялики, люди... Слышались крики, зов о помощи... И над всей этой тяжелой, безотрадной картиной занимался скупой, чахлый рассвет октябрьского тусклого утра. Навстречу им попадались такие же лодки, доверху нагруженные детьми, женщинами, домашним скарбом.

Лоранская закуталась в платок и старалась не смотреть на бушующую стихию. Сладкая дремота сковывала ее веки и туманила голову, глаза слипались сами собой под шум бури,

укачивающей ее.

– Вам холодно? Вы дрожите? – услышала она над собою голос Юрия Вакулина.

Она ответила кивком головы. Ей хотелось спать, но пронизывающий сыростью ветер разгонял дремоту. Голова тяжелела с каждой секундой, а тяжелая истома сковывала члены.

– Валентина Денисовна, – слышала она снова голос своего спутника и, преодолев дремоту, открыла глаза, – не спите, в такое ненастье нельзя спать: скорее простудитесь.

– Что с вашим отцом? – спросила она через силу. – Может быть, есть еще надежда на выздоровление?

– Надежды нет! – произнес он глухо, – иначе я не потревожил бы вас при таких обстоятельствах, рискуя подвергнуть заболеванию, простуде... По крайней мере, так сказал доктор.

– Доктора часто ошибаются, а впрочем... от судьбы не уйдешь! – произнесла она тихо и тут же подумала:

«Как это пошло, все то, что я говорю в такую минуту».

И они снова замолкли.

– Вы дивно играли сегодня, – произнес Вакулин после продолжительной паузы раздумья.

– А вы и не подозревали, что простенькая бедная девушка, гаванская уроженка может оказаться талантливой? – усмехнулась Валентина.

– Вы не поняли меня, – произнес он тихим, взволнован-

ным голосом. – Верьте мне, что с первого взгляда на вас, я понял, что вы необыкновенная одухотворенная натура и мне стало жаль вас.

– Но почему же жаль? – удивилась она.

– Да потому, Валентина Денисовна, не сердитесь на меня, это не для вас. Ваш талант заест скромная обстановка, семья, будничные интересы погубят его, не дав ему расцвести.

– О, нет! – горячо вырвалось у нее.

И вдруг ей пришла внезапно в голову мысль, как несвоевременен ее разговор об ее личных делах с человеком, у которого умирает отец, и она смущенно замолкла.

Юрий Юрьевич точно отгадал мысли своей молодой спутницы.

– Простите, что не поддерживаю нашего разговора с вами, – сказал он взволнованным голосом, – но безнадежное состояние отца очень удручает меня, Валентина Денисовна. Мы мало сходились с ним в понятиях, во взглядах. Отец представляет из себя странный тип чудака и оригинала, но при всем том он прекрасный человек по натуре, добрый, отзывчивый, хотя по виду брюзга и эгоист. Люди сделали ему много зла, он давно изверился в их порядочность. Но он никому ничего не сделал, кроме добра, и совесть его чиста, как совесть ребенка. Сегодняшний поступок, спасение бедняков собственными силами, по собственному желанию, не говорит ли уже за него? А таких случаев было много-много. Он всегда помогал, помогал втайне и сердился, когда узнавали

об этом. А сегодня... Ужасно подумать, что он сделал, слабый больной старик. Он вместе с верным Францем и вот этими молодцами в этом же ялике отправился спасать погибающих... И сам работал наравне с сильными, здоровыми мужиками... И вдруг наткнулась лодка на что-то, и он проломил себе голову в темноте о шальную балку. Какой ужас! Не правда ли, Валентина Денисовна? Я большой эгоист, но отца люблю, люблю сильно и мне страшно подумать потерять его, – и при последних словах Вакулин закрыл лицо рукою и погрузился в задумчивость.

А Валентина сидела в тихо покачивающейся теперь лодке (вода здесь едва доходила до колен и волнение было значительно меньше) и думала:

«Как странно все случилось сегодня: и успех, и наводнение, и этот Вакулин, казавшийся ей таким антипатичным в его первый визит, а теперь так просто высказывавшийся в своем горе пред ней, чужой ему девушкой».

И снова сладкая истома сна охватила Валентину. Она прикрыла лицо шалью и бессильно отдалась победившей ее дремоте.

VII

Сильный толчок отрезвил Лоранскую.

По-прежнему полусвет утра боролся с полутьмой ночи. Лодка стояла. Молодая девушка узнала фасад знакомого мрачного дома, куда ежедневно спешила она в продолжение целого года на свои обычные занятия лектрисы.

– Приехали! – услышала она над ухом голос Вакулина. – Позвольте, я вам помогу.

Он протянул руки. Валентина привстала со своего места, но затекшие в неудобном положении ноги плохо повиновались ей. Она пошатнулась и почти упала на скамью. Тогда Вакулин приподнял девушку и, перешагнув борт ялика вместе с нею, поставил ее на верхнюю ступеньку крыльца, не залитого водою.

В дверях их встретил Франц с фонарем.

Во всех окнах виднелся свет и за шторами мелькали тени снующих по комнатам людей.

– Слава Богу, приехали! – радостно произнес старый лакей. – Барин очень беспокоился все время.

И он повел их по хорошо знакомой Валентине лестнице на площадку, в старомодную гостиную с тяжелой допотопной мебелью.

– Он лежит в кабинете, – произнес шепотом Вакулин и стал помогать девушке раскутывать ее платок.

Дверь в кабинет была плотно прикрыта, но, несмотря на это, Валентина ясно расслышала стоны за ней.

Через несколько минут из кабинета вышел маленький плотный господин с бритым, как у актера, лицом.

– Ну, что, доктор? – кинулся к нему Вакулин.

– Плохо! – ответил тот. – Обнадеживать было бы крайне нетактично с моей стороны. Вряд ли он доживет до завтра.

– Можно этой молодой особе пройти к нему? – спросил снова Юрий Юрьевич, указывая глазами на Лоранскую.

– Без сомнения. Только поменьше разговора. Надо, насколько можно, постараться облегчить агонию, – и, поклонившись молодой девушке, он пожал руку хозяину и вышел.

– Пройдите к нему, Валентина Денисовна! – попросил Вакулин и, открыв дверь кабинета, пропустил ее вперед.

Первым, что бросилось в глаза Лоранской, были большая тяжелая постель, выдвинутая на середину комнаты, и забинтованная голова человека с мертвенно-бледным лицом, покоившаяся на подушке. Лицо его так страшно переменялось за последние часы страданий, что Валентина едва узнала Юрия Викентьевича Вакулина. На голове лежал пузырь со льдом, казавшийся громадным в сравнении с этим высохшим старческим лицом. Обычных дымчатых очков не было на глазах старика и прямо навстречу приближающейся девушке смотрели два ярко горящие глаза со странным для больного выражением тупого упрямства и досады. А губы улыбались беспомощной, почти детской улыбкой.

– Ах! это ты! Наконец-то! – расслышала она задавленный хриплый шепот старика, – я знал, что ты придешь за мной, Серафимочка!.. Я знал, что ты придешь! Ну и хорошо! ну и хорошо! Останься, посиди со мною...

– Он принимает вас за мою сестру, – тихо произнес Юрий Юрьевич, наклоняясь к уху пораженной Валентины.

Потом он нежно склонился к больному и произнес таким тоном, каким обыкновенно говорят с детьми:

– Папаша, ты ошибся, это Валентина Денисовна Лоранская пришла навестить тебя. Помнишь, ты просил меня съездить за нею? Я и привез ее к тебе.

– А что ты понимаешь? – заволновался старик, и глаза его блеснули безумным огоньком. – Все они – Серафимы... и та, и все... все... весь мир... вся вселенная. Ведь ты Серафима? – обратился он неожиданно к Валентине, стоявшей у его постели.

– Серафима, – потерявшись, отвечала девушка.

– Это хорошо! Это чудо, как хорошо, что ты вернулась ко мне! Ты опять будешь читать мне Спенсера. И не уходи от меня, доченька, не уходи, родная моя!

– Не уйду! – произнесла Валентина, не желая раздражать больного.

– Я знал, что не уйдешь, я знал. Зачем тебе уйти, Серафимочка, ангел ты мой! Расскажи мне, как тебе живется там, на небе? Не скучаешь ли ты по твоём старом отце?

Тут он начал метаться, бредить. Бессвязный лепет сры-

вался с его уст.

– Вода! Вода! – кричал он в каком-то исступлении. – Возьмите ее, возьмите... Сюда! сюда! на помощь... Там дитя... ребенок... Скорее, скорее! Он захлебнется! Причаливай!

Наконец больной затих, перестал стонать и, казалось, забылся, не выпуская, однако, руки Валентины из своей сухой горячей руки.

Лоранская видела, как изредка пробегали судороги по его изможденному лицу, как посиневшие губы силились произнести что-то. Она быстро наклонилась к умирающему, и странные слова бреда донеслись явственно до ее слуха:

– Зачем ты ушла снова, Серафимочка? Я так ждал, я так долго ждал тебя! Все время ждал! А ты пришла и опять ушла! Чего тебе не достает у твоего старого папы?! Ах, ты права, там тебе лучше! Там ангелы и райские сады... И ты среди них, моя доченька, крошка моя дорогая...

– Послушай, – залепетал он, после минутной паузы, снова, – ты должна исполнить мою просьбу, Серафима, потому что желание умирающего должно быть свято для живущих, – и глаза его страшно сверкнули на изможденном от страданий лице. Они, казалось, впивались в самые недра души Валентины своим острым, пронизывающим взглядом.

Девушка невольно отшатнулась и выдернула руку из руки больного.

– Что вы делаете? – с ужасом в голосе остановил ее молодой Вакулин. – Вы губите его! Я знаю это желание отца.

Его исполнение вполне в ваших силах и ни в коем случае не повредит ни вам, ни вашим близким. Согласитесь! Ради умирающего согласитесь на него!

– Хорошо, я исполню все, что вы хотите! – произнесла Валентина, обернувшись лицом к больному, но он уже снова не понимал действительности, бредил водою, домами и балкою, ударившей его по голове.

Вскоре затем началась агония. По совету Юрия Вакулина, Валентина ушла в гостиную и прилегла там на оттоманке. И, только усталая голова молодой девушки добралась до мягкого валика дивана, тяжелая дремота подкралась к ней и сковала все ее члены.

Странный сон приснился Валентине. Ей казалось, что она плывет в том же ялике, но не по затопленным наводнением улицам Гавани, а по какому-то громадному бушующему океану, без малейших признаков земли и островов: волны с ревом вздымаются вокруг утлой лодчонки, подбрасывая ее, как щепку, и грозя каждую минуту разломать в куски. Валентина едет не одна. Однако она не могла припомнить и понять во сне, кто был ее спутник. Из-под серого надвинутого капюшона нестерпимо сияли ей его огненные глаза. Бледное лицо, знакомое и незнакомое в одно и то же время, гипнотизировало ее этими огненными глазами.

– Куда мы едем? – спросила с трепетом молодая девушка. И донельзя знакомый голос отвечал ей:

– В страну золота и счастья.

– Но я хочу домой! – вскричала Валентина. – Пустите меня домой!

– Этого нельзя! – холодно усмехнулся незнакомец. – Ты сама – жительница золотой страны и тебе нечего делать в серой обстановке будничного мира. Взгляни! Неужели тебя тянет туда?

Лоранская оглянулась назад по направлению его руки и увидела свою маленькую Гавань. По берегу метались, простирая к ней руки, ее мать, братья, Лелечка, Кодынцев... Они кричали ей что-то, пересиливая голос ветра, и манили ее обратно к себе. Но ее спутник держал ее за руки, тихо, зло смеялся и говорил:

– Ведь ты Серафима? Ведь ты золотая Серафима? Остайся здесь! Я дам тебе золотое счастье. Потому что я один могу тебе дать счастье, которого жаждет твоя душа.

А впереди нее из воды вырастали, как в сказке, красивые дома, залитые светом, с ярко освещенными также сказочными по роскоши убранства комнатами. И внезапно все прежнее близкое отошло куда-то далеко-далеко... Что-то влекло Валентину теперь туда, вперед, по направлению этих домов. Вот они близко-близко... Вот уже не слышно больше голосов призыва с берега. Высокий мутный вал поднялся между ним и яликом и сделал невидимым для взоров Валентины все, что не касалось золотой страны, в которую она вступала.

Девушка вздрогнула и проснулась. В комнате были подняты шторы, и промозглое, гнилое утро смотрело в комнату.

За окнами слышалась брань дворников, усердно работавших после наводнения. Около нее стоял Вакулин. По его бледному, усталому от волнения и бессонницы лицу было видно, как он страдает.

– Валентина Денисовна, – услышала его измученный голос, – отец мой только что скончался. Он звал вас, но я не решился вас будить и тревожить, тем более, что скоро он впал снова в беспамятство. Вот это он просил передать вам, когда умрет. Вы дали слово исполнить его желание, – и Юрий Юрьевич протянул ей конверт большого формата с фамильной печатью старика Вакулина.

– Что это? – удивилась Валентина.

– Здесь пять тысяч, подарок моего отца вам в память ваших усердных занятий с ним в продолжение года. Мой отец знал, что вы, с вашей гордостью, не возьмете большей суммы, и, несмотря на свое крупное богатство, уделил вам только это.

Валентина вспыхнула.

«Ничтожная сумма!.. О! для них, богачей, она кажется ничтожной, но для нее, не имевшей никогда в руках более тридцати рублей, эти деньги казались феноменальным богатством... Вот она, золотая страна! – подумала она. – Сон сбывается не на шутку», – и произнесла вслух:

– Юрий Юрьевич! я никогда не взяла бы этих денег, если бы ваш покойный отец не обязал меня словом. Это – огромный подарок, я не стою его.

– Пустяки! – произнес Вакулин. – Для отца, повторяю, эта сумма слишком ничтожна. Даже Франц получит вдвое больше по завещанию. Но то лакей Франц, а то вы, человек, услаждавший своим присутствием его сиротство в этот последний год. Отец не хотел включать эту маленькую сумму в свое завещание, и взял ее из обиходных сумм, приказав мне передать ее вам...

Валентина не слышала, казалось, последних слов Вакулина. Она машинально приняла пакет из его рук и сунула его в карман платья.

«Вы услаждали последний год его сиротства», – звенело и переливалось в ее ушах на тысячу ладов.

А она-то? Хорошо услаждение? Она безжалостно бросила больного старого человека, не желая выносить его безвредные чудачества! Она видела в этом стеснение своей свободы, торжество богатого над бедным, сильного над слабым. О! как она была жестока и несправедлива! Как она не понимала его!

– Послушайте, – обратилась она к Вакулину, – скажите, ваш отец отдал вам эти деньги после катастрофы, да?

– О, нет! В тот же вечер, когда я вернулся от вас после моей неудавшейся депутации, он долго говорил со мною об одной необыкновенной девушке, решившейся ради сохранения своих принципов отказаться от выгодного заработка. Он восторгался ею и ее неподкупностью, хотя и подтрунивал над нею. И, должно быть, тогда же у него и созрело это решение, потому, что на другой день он дал мне эти деньги для пе-

редачи вам после его смерти. Очевидно, он предчувствовал свой скорый конец. Ваша порядочность и гордость восхитили его. И потом, повторяю снова, вы очень напоминали отцу сестру, которую он любил всем сердцем. Хотите взглянуть на покойника? Он мало переменялся. Совсем как живой, – и, не дожидаясь ответа Валентины, Вакулин провел ее в кабинет.

VIII

Юрий Юрьевич был прав. Старик Вакулин мало изменился после смерти. По крайней мере, он показался Валентине совсем таким, каким был в последнее свидание про размолвке. Он по-прежнему лежал на своей громадной постели, выдвинутой на середину комнаты. Заботливый Франц обмыл, согласно обычаю, мертвое тело своего барина, облачил его в черный сюртук и, скрестив руки на груди, накрыл его до пояса простынею. Но мертвые глаза остались открытыми, так как их забыли закрыть после кончины, и странно было видеть этот стеклянный остановившийся взгляд, делавший все лицо покойника похожим на лицо восковой куклы.

И все-таки этот мертвый облик очень напоминал то живое лицо Вакулина, которое знала Валентина. Даже брезгливая складка губ, исчезнувшая за часы предсмертных страданий, теперь снова появилась на этом мертвом лице.

Лоранская молча опустила на колени, поклонилась праху, поднявшись, вновь взглянула на покойника и мысленно произнесла:

«Спасибо тебе. Беру этот подарок от мертвого, как не взяла бы от живого. Прости меня, если я невольюно причинила тебе тяжелые минуты своим отказом и резкостью».

А рядом с нею две старушки без стеснения шепотом высчитывали богатство старика.

– Дом этот... перво-наперво... да имение, сказывают, в Уфимской полосе, черноземное... Да деньжищ! И все сыну досталось, потому единый наследник. Вот и раскинь умом, бабушка, опосля всего!

Валентине стало невыносимо и от этих бесцеремонных пересудов, и от общей картины смерти. Она тоскливо оглянулась и страшно обрадовалась, увидя в дверях Кодынцева.

– Я за тобою. Наши беспокоятся. Пора домой, Валечка! – шепотом пояснил он.

– Да, да, домой! – как эхо отозвалась девушка.

– Я велел вам лошадь запрячь. Вода убыла и вы попадете на пролетке в Гавань, – поспешил сказать Юрий Юрьевич, подойдя к ним и здороваясь с Кодынцевым.

Валентине хотелось хоть немного успокоить осиротевшего Вакулина.

– Не печальтесь, – произнесла она задушевым голосом, – примиритесь с неизбежностью. У каждого, верьте, есть свое горе, но каждое горе преходяще! Время – лучший целитель. Я тоже потеряла своего отца; это была очень тяжелая потеря, но потом она загладилась иными хорошими сторонами жизни! Осталась одна тихая грусть.

– Благодарю вас, вы очень добры, – произнес Вакулин и почтительно склонившись к маленькой руке Валентины, произнес, целуя ее:

– Вы позволите мне приехать поблагодарить вас за вашу доброту к моему отцу, не правда ли?

– Конечно... Но он сам уже так незаслуженно отблагодарил меня, – намекая на подарок покойного, произнесла с смущением девушка.

Потом она быстро оделась и, в сопровождении Кодынцева, вышла на улицу.

Воды уже не было. Она, сделав свое дело, намутив, набурлив и натешившись вволю, снова вошла в берега, по крайней мере, в этой части острова. Только разные щепы, доски, обломки вещей, домашней утвари, исковерканной и переломанной до неузнаваемости, свидетельствовали о ночном бесновании рассвирепевшей стихии.

Кое-где стояли лужи, а местами и целые небольшие озера, не успевшие высохнуть на мостовой.

– Что наши? Все ли благополучно? – обратилась Валентина к Кодынцеву, когда они ехали по Большому проспекту мимо последней линии острова.

– Слава Богу, все благополучно, Валечка.

– А у меня новость, большая новость – мы богаты, Володя! – вырвалось у Валентины счастливым звуком. – Мы очень богаты! – повторила она весело, как ребенок и взглянула в глаза жениха загоревшимися счастьем глазами.

Потом, не дожидаясь его расспросов, она рассказала Кодынцеву все, что случилось этою ночью с нею.

– И ты считаешь себя серьезно богатой? – узнав все подробности ее нового счастья, спросил Владимир Владимирович невесту.

– Не только себя, но и всех нас, маму, Лелечку. Павлука, Граню, потому что ведь поделюсь же я с ними всеми...

– Пятью тысячами? – прервал ее Кодынцев. – Это, значит, по тысяче на человека? Ну, это – не великое богатство, Валечка!

– Для меня великое, потому что я и десятой части не имела... Не зли меня, Володя, я сегодня совсем не прежняя спокойная, уравновешенная Валентина. Вчерашний успех, наводнение, эта смерть – геройская смерть человека, которого мы все так несправедливо считали мелким и ничтожным – и, наконец, неожиданное появление, как в сказке, этой крупной суммы, – есть от чего перемениться! Нет, как мама-то, мама, как будет довольна! Подумай! С долгами расплатимся. Ее так мучают долги. Всем, ведь, задолжали, даже тебе... и вдруг насмарку!..

– Ну, мне пустяки! Я свой.

– Ах, я умираю от усталости и хочу спать, как ребенок, – живо подхватила Валентина. – Приеду и ни слова нашим о подарке... Просто завалюсь спать... спать, спать и спать! А завтра скажу! То-то поднимется суматоха!

Действительно, полусонную довез ее в Гавань Кодынцев (вода здесь еще стояла по щиколотку лошадям), и сдал с рук на руки беспокоившимся домашним. Валентина едва дотащилась до постели, уступленной ей старым капитаном, так как в квартире Лоранских еще стояла вода, и в ту же минуту уснула мертвецки – глубоким сном без всяких грез и виде-

ний.

IX

Инцидент с пятью тысячами был встречен с подобающим волнением семьей Лоранских. В первую минуту сообщения интересного известия все замолчали и глядели друг на друга широко раскрытыми потерянными глазами.

Первый пришел в себя Павлук. Он вскочил на стул и заорал «ура» во весь голос.

– Вот кстати деньги подоспели... Кухню у жильцов ремонтировать надо! И сапог нет у Грани, – с самым сосредоточенным видом произнесла Лелечка.

– Лелечка, ты – вандалка, варвар, зулус! – заорал снова Павлук, – пять тысяч с неба свалились, а она о мелочах брешет... кухня, сапоги! Ведь пять тысяч, пойми, глупышка!.. Давай их сюда, Валентина! давай их, голубчиков, – обратился он к старшей сестре, – чтобы я воочию мог убедиться, что тут они у тебя, милушки, очаровательные лапки!

– Не надо забывать, что это – деньги Валины и ничьи больше! – ласково остановила расходившегося сына Марья Дмитриевна.

– А Валя чья же? Не наша разве? Как это странно, мама, у вас выходит, право! Валентина наша и деньги наши! – безапелляционно произнес Граня. – Скажи, не прав я разве, Валентина? – обратился он к сестре.

– Ну, конечно, прав! Об этом и речи быть не может! –

поторопилась успокоить брата старшая сестра. – Эти деньги мы поделим поровну, чтобы каждому было по части, которой он мог бы распорядиться по своему усмотрению... Не так ли, мама?

– А по-моему, не так, деточка! По-моему, долги выплатить, это да, а остальную сумму, т. е. те же пять тысяч, за вычетом двухсот семидесяти рублей долга, положить в банк, да проценты подрезать два раза в год для нужд ваших. А сумма на черный день останется.

– С государственной ренты-то проценты! – закипел Павлук, – тогда, конечно, и на сапоги Гране не хватит!.. Нет, не так я поступил бы. Вы, мама, насчет долга правильно рассудили. Долг выплатить, а остальные деньги поровну между пятерыми нами, – произнесла спокойно Лелечка.

– Нет, уж, голубчик, я отказываюсь. Кухню бы мне поправить и долги выплатить, а больше ничего не надо, – протестовала старушка Лоранская.

– И мне не надо! – эхом отозвалась Лелечка. – Не хочу их! Ну, их совсем! Когда деньги есть, только и думаешь, куда бы их употребить, забота лишняя, а тут живешь себе без забот и дум.

– Ты-то без забот живешь, моя бессребреница? – ласково обняв и целуя младшую дочь, произнесла Марья Дмитриевна. –хлопотуша ты моя милая!

– Ну, ладно! Мама и Елена отказываются, – поднял голос Граня, – значит, их части остаются как бы в резерве.

– И Гране тоже на руки давать деньги не следует, – перебил его Павел, – принимая во внимание его молодость. И Гранины деньги будут у мамы лежать и по мере сил и возможности на разные надобности сему несовершеннолетнему юнцу выдаваться. Так?

– Вот уж это ты напрасно, – вступился Граня, – что же, что я не достиг совершеннолетия! Иные в шестнадцать лет много умнее бородатых мужчин бывают, – заключил он с детской напыщенностью.

– А по-моему, – вставила свое слово Валентина, – лучше нам всем выбрать опекушкой маму и спрашивать у нее деньги по мере необходимости. Правда? Ведь, собственно говоря, все мы такие же несовершеннолетние, как и Граня, в денежных вопросах.

– Вот это хорошо! Что хорошо, то хорошо! – возликовал Павлук. – А деньги-то ты все-таки вынь да положи. Еще, чего доброго, фальшивые! – прибавил он полусерьезно, полусмешливо.

– Стыдись, Паша! Ведь он покойник! – укоризненно произнесла Валентина и протянула ему конверт.

Павлук вскрыл его. На стол выпало несколько облигаций. Их пестрый вид приятно подействовал на членов маленькой семьи. Даже Марья Дмитриевна взглянула на бумаги и, набожно подняв глаза на небо, перекрестилась.

– Господи, упокой его душу! Доброе дело сделал для сирот.

И всем стало на минутку хорошо и грустно на душе. Жаль было этого одинокого, обиженного судьбою старика, не понятого никем и не оцененного до последнего дня его жизни.

Первым вышел из задумчивости Павел.

– Давайте кутнем сегодня основательно! Пригласим Навадзе, Дакунина, Сонечку...

– Вот-вот, тебе только бы гостей собирать! – возмутилась Леля. – А кто после наводнения будет все в порядок приводить?

– Мы.

– Кто это «мы»? Ты и гости? Нет, уж оставь, пожалуйста. Все комоды переломаете. Теперь они разбухли. Сегодня-то хоть, Христа ради, обойдитесь вы без сутолоки!

– Лелька, ты злая! Смотри, старой девой останешься, – пошутил Павлук, грозя сестре.

– Ну, и очень рада! Мы с мамочкой, по крайней мере, вдвоем проживем тихо да мирно. Валя замуж выйдет, ты Паша, в провинцию... Граня...

– Я юристом буду, – заявил Граня, – мне в гимназии говорили, что я эффективным адвокатом буду, что у меня в глазах что-то такое! – и Граня неопределенно повертел пальцами со следами чернильных пятен пред лицом.

– Гранька! Противный! Не воображай, что ты хорошенький! – поддразнила брата Леля.

– И сама-то ты противная! – рассердился Граня.

– Рано тебе, Гранюша, об адвокатах думать. Вот кончишь

учиться, думай себе на здоровье, а теперь не дело, дорогой мой! – ласково пожурела его Марья Дмитриевна.

– Пойдите, господа, не в это дело, – вмешался Павлук. – Лучше решим, как отпраздновать наше неожиданное наследство. Послать за закусками, – и по-семейному, тишком? Разве только Володю с матерью позвать?

– И лучше, Пашенька, тишком-то! Деньги хоть и не очень велики, а все лучше их от завистливого глаза схоронить.

– Мамочка, да вы, кажется, воров боитесь? – искренне расхохоталась Лелечка.

– Боюсь, деточка, и скрывать не хочу, боюсь! А тут молчком да секретом, смотришь, никто и знать не будет.

– Правда, мама, а то невесть что выдумают! – подхватила Лелечка, во всем всегда соглашавшаяся с Марьей Дмитриевной. – А знаешь, – обратилась она к Валентине, – тебе на панихиду надо было бы пойти. Надень суконную юбку и черное джерси и иди на панихиду. Право!

– А не будет это иметь вид, что из-за денег, из за пяти тысяч пришла? – нерешительно спросила Марью Дмитриевну Валентина.

– Ну, вот глупости! – вмешался Павлук. – Да и кто знает про деньги-то? Один сын покойного. Ведь помимо завещания соорудовано.

Валентина кивнула головой. Действительно, о полученных ею деньгах знал только Юрий Вакулин. С минуту она колебалась, но потом решила пойти в тот же вечер на пани-

хиду.

Х

Большая гостиная Вакулиных была битком набита самой разношерстной публикой. Тут были и какие-то полные барыни, говорившие шепотом по-французски, дальние родственницы Юрия Викентьевича, и три-четыре товарища по ведомству его сына, желавшие сделать любезность своему сослуживцу, приехав на панихиду по его отце, и какой-то генерал сурового вида, стоявший на видном месте, держа свечу пред лицом и духовенство, и певчие в парадных кафтанах с кистями, и какие-то старушки, шушукавшиеся и отбивающие поклоны в углу.

После панихиды гости окружили молодого Вакулина, выражая ему свои сожаление и сочувствие его горю. Темная толпа одетых в траур родственников и черных сюртуков скрыла его от глаз Валентины.

Лоранская перекрестилась и вышла из гостиной.

«Это хорошо, что он не видел меня, – произнесла мысленно молодая девушка по дороге к дому, – иначе он мог бы подумать, что я из-за полученных денег пришла отдать этот долг умершему. И мне было бы неприятно, если бы он так подумал».

Теперь Валентина все время жила, как в сказке. Вчерашний успех и начало ее службы в театре, такое благоприятное и хорошее начало, положили как бы фундамент ее дальней-

шему счастью, для полноты которого только разве недоставало до сих пор денег.

Теперь явились и деньги, благодаря чудачеству и доброте покойного Вакулина. И эти деньги радовали девушку, как радуется дешевая игрушка неизбалованного ребенка.

Несмотря на всю свою серьезность и положительность, Валентина все же была более ребенком, нежели кто-либо другой. Милым беспечным ребенком, тянувшимся ко всему блестящему и нарядному. Ее раздражали всякие недочеты и недохваты в туалетах, вечные перекрашивание и перешивание из старого на новое, вечное старание скрыть убожество и дешевизну нарядов. Теперь это несносное обстоятельство надолго исчезнет с ее пути. Она может закупить себе по желанию и платьев, и безделушек и одеваться на сцене и в жизни не хуже других. Подумав о сцене, Валентина мысленно перенеслась к предстоящим репетициям. Вчера во время спектакля при виде ее успеха режиссер труппы обещал ей новую роль в самом непродолжительном времени – роль «Снегурочки» в чудесной сказке Островского. Роль эта заранее приводила в восхищение Валентину. Она знала пьесу давным-давно и постоянно мечтала включить в свой репертуар роль Снегурочки.

И тут счастье, казалось, улыбалось молодой девушке своей широкой, многообещающей улыбкой.

«Как хорошо жить! Как хорошо жить!» – мысленно повторяла девушка.

Впрочем, не одна Валентина, а и все Лоранские были как-то особенно наэлектризованы приятным сознанием приобретенного маленького капитала.

Павлук успел днем слетать в государственный банк и произвести операцию с бумагами. Облигации были проданы и сумма торжественно вручена Марье Дмитриевне, положившей ее не без трепета в тяжелую кованую железом шкатулку, еще полученную ею в приданое, когда она выходила замуж за своего Дениса Павловича.

Одна из крупных кредиток была уже тронута, по проекту того же Павлука, и результатом ее размена оказалась обильная закуска на столе, в виде копченого сига, коробок омаров, сардин, шпротов и головы голландского сыра. Посреди стола стояла ваза с фруктами, большой торт от Филиппова с кофейной начинкой (любимое лакомство Марьи Дмитриевны) и бутылка «донского», без которого никак не мог обойтись предусмотрительный Павлук.

Маленькая семья разрешила себе этот кутеж на первых порах. Всем было весело. Все болтали, перебивая друг друга, смеясь беспричинно веселым беспечным смехом, свойственным одной только молодости. Пили за успех Валентины, за дальнейшую ее карьеру, за все, за все...

XI

Прошло две недели.

Валентину вызвали в театр.

Придя на первую репетицию «Снегурочки», ожидая ее начала и прихода прочих актеров, она чувствовала себя не совсем удобно с непривычки. Она стояла на пустой сцене и смотрела в пространство партера, тоже теперь пустое, а еще две недели тому назад наполненного публикой, оживленно приветствовавшей ее появление на этих самых подмостках. И она, как девочка торжествовала в тот вечер. Тогда она была такая бедная! О, ей стыдно вспомнить свою красную кофточку, такую простенькую, сшитую неискусными пальчиками Лелечки кофточку, вполне подходящую к гаванской портнихе или мешаночке. Уж эта кофточка! После окончания спектакля, когда режиссер объявил ей, Валентине, счастливую новость о зачислении ее в труппу, он как-то обидно-снисходительно скользнул взорами по этой злосчастной кофточке и сказал:

– Н-да... и гардеробчик ваш более к *ingenue* подходит... Да и рано вам в героини записываться, барышня!

И Валентина чуть не сгорела тогда со стыда. Зато теперь, благодаря наследству Вакулина, она одета по последней картинке.

Теперь, когда она стала «настоящей актрисой», ей необхо-

димо одеваться прилично: это влияет на успех. Вот если бы и тогда вместо красной кофточки она надела какое-нибудь изящное летнее платье, подходящее к сезону по пьесе, она выиграла бы еще больше в глазах толпы.

И Валентина вздрогнула, поймав себя на этой мысли.

Неужели это так? Неужели на сцене не таланты нужны, а нарядное платье и дорогие украшения! Нет! Нет, этого не может быть! – решила она. – Искусство так светло и прекрасно в своей основе.

– Ого, как мы аккуратны! Хвалю! хвалю! – послышался веселый оклик за спиной Лоранской, и, живо обернувшись, Валентина увидела Василия Захаровича Дмитрова, режиссера труппы, протягивавшего ей дружески руку. – Давайте-ка, я перезнакомлю вас с вашими товарищами, с которыми вы не успели еще познакомиться, – произнес он, пожимая руку молодой девушки, и повел ее навстречу темноволосой женщине не первой молодости с громадными серыми глазами, единственным украшением ее незначительного лица.

– Наша гордость, Нина Вадимовна Донская-Звонская! – сказал Сергеев, знакомя Валентину с актрисой.

Нина Вадимовна сощурила свои красивые глаза и промямлила, как бы нехотя:

– Будем знакомы. Вы, милушка, только не подумайте, что я такие роли, как Купаву,¹ играю. Это только для Васеньки: Васенька одолел, – кивнула она в сторону лебезившего пред

¹ Роль Купавы менее значительна, нежели роль Снегурочки.

ней Столпина. – Ну, и для сбора. Ведь вы еще «новая» для публики, не «привились» еще. Так надо сбор поднять сначала. А то бы ни-ни! У меня сейчас переезд на другую квартиру. Не до игры, знаете!

Валентина слушала «премьершу» и в душе смеялась над ней. Ее ломанья потешали молодую девушку.

Комика Лазарского Валентина уже знала по первому игранному ею здесь спектаклю, как и многих других членов труппы. Но кто ее удивил, так это *jeune premier*.

Валентина никак не могла понять, как этот человек, с завитым надо лбом вихром и лишенным выражения взглядом больших воловьих глаз на самодовольно улыбающемся одутловатом лице, носивший громкую фамилию Заволгина, мог играть Леля, юного, свежего пастушка Леля, так мастерски написанного русским классиком. Что-то тупое и безучастное сквозило во всем лице Заволгина, так что Валентина искренне испугалась и за себя, и за пьесу вообще.

Но Лоранская испугалась ненадолго. С первой же фразы, произнесенной молодым актером, она была принуждена взять обратно свое спешно составленное о нем мнение.

Голос Заволгина, казалось, просился в самую душу. Глаза, когда он заговорил, утратили свое воловье выражение тупого равнодушия и в них заиграла жизнь, они заблестели. Заволгин имел драгоценное преимущество «играть» на репетициях, чего не делали остальные, и, играя, увлекался сам.

– Милушка, не подсаживайтесь! Прибавки все равно не

получите и публики нет! – насмешливо останавливала его Донская-Звонская, торопливая читка которой окончательно стушевывалась около мастерского исполнения Заволгина.

Но он не расслышал даже слов «премьерши». Одухотворенные теперь глаза актера смотрели поверх ее головы, а голос переливался мощной волной, то выдерживая паузы, то усиливая, то понижая тон.

– Что, детка, Петрушу заслушалась? – услышала Валентина знакомый голос, и теплая большая рука легла на ее руку.

– Михайло Михайлович, вы? – приветствовала она Сергеева. – Действительно, заслушалась. Хорошо!

– Что и говорить, молодец парень! Так читает, что умереть мало. И на спектакле также будет, если не лучше. Приятно и играть-то с ним.

Наступила очередь Валентины. Она волновалась теперь, на репетиции, гораздо более, нежели на спектакле. Ее смущали насмешливые взгляды Звонской и репетирование «во всю» ее партнера, Заволгина.

Лоранская начала читать вполголоса. Но мало-помалу настроение Заволгина, с упоением декламировавшего звучные монологи Леля, захватило и ее.

Валентина попала ему в тон силою своего природного музыкального инстинкта и они прошли дружным дуэтом через весь акт.

– Не может быть, чтобы вы не учились нигде! Скажите, кто вас начитывал? Школу драматическую кончили, да? –

спрашивал Заволгин, когда они провели совместно одно из труднейших мест действия.

– Вы, паузы, милушка, укорачивайте! Не тяните! – встала свое слово Звонская, незаметно подойдя к ним.

– Не слушай ее! Она тебе такого наскажет, что потом ви-негрет один выйдет, если послушаться, – зашептал Валентине Сергеев, отводя ее в сторону. – Меня только слушай, да Петра Заволгина, потому что славная у него душа! А Звонской ни-ни! Живьем в землю закопать готова, знаем мы ее!

Лоранская слушала и улыбалась. Все ей казалось так ново и своеобразно здесь. Даже борьба не страшила ее. Борьба была необходима: постоянные удачи могли бы избаловать, изленив ее, а эти уколы не пугали Валентину, потому что она не сомневалась уже в успехе. Очевидно, она родилась под счастливой звездой. Она не чувствовала до сих пор кипучей жизни; то, что давала ей судьба, было вполне тихо и спокойно, хотя бывали и лишения, и неприятности. Теперь же она была счастлива вполне.

Когда Лелечка, зашедшая за нею на репетицию, чтобы вместе ехать за покупками в Гостиный двор, увидела Валентину, она с удивлением отступила от сестры.

– Что ты? – недоумевала та.

– Ай, какая ты хорошенькая! – с нескрываемым восхищением произнесла младшая сестра. – Ты всегда красива, а теперь лицо у тебя такое... ну как бы это сказать... ну, хорошенькая ты попросту. Уди-ви-тельно!

– Что удивительно? – усмехнулась Валентина, – что я хорошенькая? Очень любезно!

– Ах, не то, не то! – всплеснула руками Лелечка. – Просто ты какая-то особенная стала, не прежняя Валя, сдержанная, спокойная, а новая, доступная, милая, простая! Знаешь? если б Володя сейчас тебя увидел, он с ума бы сошел от восторга.

– Ну, это еще не великая заслуга, Володю с ума свести: он очень восторженный и не требовательный, наш Володя.

– Не говори. Ведь вот же выбрал он тебя, а не Сонечку Гриневич, ни другую. Значит, у него вкус есть и требовательность известная... Ты – красавица!

– Вот тебе раз, а сейчас только хорошенькой называла! – снова усмехнулась Валентина. – Да я у тебя не по дням, а по часам хорошею, Лелечка. Славная ты!

Сестры вышли из театра и поспешно шагали теперь по направлению к Первой линии в ожидании конки. И вдруг Лелечка взглянула на свою спутницу и расхохоталась звонко.

– Что с тобой? – удивилась та.

– Вот что, значит, привычка, – смеялась Лелечка, – ведь мы утром решили на извозчике ехать, а теперь по привычке конки ждем. И вовсе позабыли, что мы теперь – богачихи.

– Правда, – улыбнулась Валентина, – вот и выходит, что человек не скоро отвыкает от своих привычек, и мы еще не скоро от наших грошовых расчетов отвыкнем.

Последние слова Лоранская произнесла с чуть заметной

желчью. Лелечка с удивлением взглянула на сестру. Она не понимала, почему вдруг так ненавистно отнеслась Валентина к тому, что составляло и еще недавно интерес их жизни. Лелечка хотела спросить об этом сестру, но почему-то удержалась. Они молча прошли еще немного, взяли извозчика и поехали в Гостиный двор.

XII

Если кто-либо особенно был доволен «свалившимся с неба» наследством из всей семьи Лоранских, так это Граня. Граня был окончательно вышиблен из колеи. Получение «наследства» совпало как раз со временем гимназического бала, и нет ничего удивительного, если Граня потерял голову, бегая по магазинам, выбирая себе сапоги, галстуки, перчатки, духи и прочие предметы моды, роскоши и туалета.

Граня окунулся с головою в свою любимую стихию. Тотчас же по окончании классов он несся домой, как на парусах, закусывал на скорую руку, брал у матери нужную ему сумму и сломя голову мчался на извозчике в Гостиный двор. Граня был как в горячке. Он покупал и нужное, и ненужное, и полезное, и бесполезное, – словом, все, что только бросалось в глаза и приковывало внимание юноши.

– Гранечка, не много ли будет? – осторожно останавливала своего любимца Марья Дмитриевна. – Ведь четвертую сотенку меняешь, а что купил? Глядеть не на что. Белье-то какое непрактичное, на год его не хватит. И воротнички опять! Раньше «монополь» носил и был доволен, а теперь голландские! Одной прачке чего переплатить придется.

– Прачке из моих денег платите! – фыркал недовольно Граня. – Что же вы беспокоитесь? И как это вы странно, мама, «мо-но-поль!» Теперь «монополь» никто из порядочных

людей не носит – приказчики одни. А белье я самое модное купил, крапинками. И у графа Стоютина такое же, и у Миши Завьялова, и у Берлинга, наконец!

– Гранюшка, да ведь то богачи, аристократы... графы да князья, а Берлинг – сын банкира, есть где разойтись... а ведь ты...

– Ах, мама, – досадливо перебивал юноша, – что у вас за нелепость делить людей на классы... Ведь не в древности же мы живем, отстало это... Аристократы, демократы, все это относительное понятие. Кто горд и независим, тот и аристократ... А деньги у меня есть пока, слава Богу, и скупердяйничать ими не намерен.

– Гранюшка! Ты бы полегче, все же! Ведь тают у тебя деньги-то, как сахар... Голубчик, ради тебя же хлопочу! – и даже слезинки навернулись на глаза доброй Марьи Дмитриевны.

Граня притих. Легкое облачко раздумья набежало на его красивое лицо, потом все черты разом осветились милым выражением детского благодушия.

– Мамочка, – произнес он ласково, – мамочка, поймите вы меня, ради Бога, наголодался я! Ведь, до шестнадцати лет, шутка ли, в заплатанных брюках ходил и Бог знает в каких сапогах, от штопок на чулках пальцы натер до мозолей. А кругом богатые люди, щеголи, под нос тычут своими достатками. Поймите, всякое ничтожество, урод всякий – и тот в модной тужурке и в запонках от Фаберже ходит. А я в куцых рубашонках, как приготошишка какой-нибудь. Ведь сме-

ялись они... А теперь вдруг счастье такое упало, можно сказать, на голову. Ведь, пока молоды, только и жить, только и выпить полную чашу счастья. Последней радости лишиться хотите! Грех вам, мама.

– Гранюшка, милый, родной! Да разве я... да что ты? – и старушка, чуть не плача, обняла огненно-рыжую голову своего «красавчика» и в неизъяснимом порыве прижала ее к своей груди. – Делай, что хочешь, родной мой! Может быть, ты и прав! Рано тебе заботиться о черном дне. Господь с тобою!

Граня торжествовал. Мать соглашалась с ним, и последнее препятствие отстранялось, таким образом, с его дороги. И Граня наскоро целовал свою старушку и, взяв хорошего извозчика, летел «в город», как называли центр Петербурга скромные гаванцы.

А Марья Дмитриевна, глядя вслед любимцу, думала:

«И правда, ребенок он... и много лишений бедняжка видел. Пусть хоть теперь вдоволь насладится, развернется немножко. Пройдет у него эта лихорадка; одумается и сократит расходы».

Но Граня не одумывался. За новыми голландскими воротничками следовал изящный штатский костюм, сшитый у хорошего портного, рекомендованного богачом Берлингом; затем шли золотые запонки с маленькими сапфировыми звездочками от Фаберже, точь-в-точь такие, как у графа Стоютина, за ними – дорогой туалетный прибор, как у Миши За-

вьялова, и, наконец, что более всего поразило домашних, покупка великолепного мраморного умывальника, какой Граня видел у того же Берлинга, с которым очень сдружился в последнее время. Умывальник был чудо искусства, и Граня отдал за него громадную для его крошечного капитала сумму. Когда эту мраморную громаду с изящными резными колонками и великолепным венецианским зеркалом артельщики внесли в скромную квартирку в Галерной гавани, Марья Дмитриевна искренне испугалась.

– Не к нам, не к нам это, батюшки, – замахала она им руками.

– Никак нет, должно к вам, госпожа, потому, значит, адресок у нас имеется, – произнес с усмешкой рыжеватый артельщик, чуть заметно усмехаясь себе в бороду, – молоденький баринок емназист покупал.

И он с победоносным видом подал бумажку с адресом, четко написанным рукою Грани.

Вся семья сидела за обедом, за исключением самого Грани, рыскавшего, по обыкновению, в этот час по магазинам.

Павлук громко и искренне расхохотался и нелепой покупке брата, и полной растерянности матери.

– Пашенька, как же быть-то? – спрашивала та, испуганно мигая своими добрыми глазами.

– Взять, конечно, раз вещь куплена, – отвечал Павлуша, все еще не переставая смеяться.

– Да куда же мы его поставим? – волновалась старушка.

– Да устроим как-нибудь! – успокаивала мать Валентина. – Раз глупость совершена, надо, по крайней мере, принять ее с гражданским мужеством.

– В нашу комнату поставить придется, мамаша, – решила Лелечка, почти с благоговением прикасаясь к белому мрамору резных колонок и смотрясь в прелестное венецианское зеркало, в котором, казалось, каждое лицо должно было выигрывать вдвое.

После долгих разговоров, было решено поставить умывальник в гостиной.

И странно было видеть среди скромной старенькой мебели Лоранских эту изящно красивую вещь.

Все обитатели серого домика с недоумением поглядывали на роскошную покупку Грани, которая их всех, как будто даже стесняла и своим неуместным присутствием, и своим эксцентрично-эффектным видом. Но, когда домой явился сам виновник переполоха, все разом изменилось, как по волшебству. Граня был положительно в восторге от своего приобретения и все, при виде его дышащего счастьем лица, решили вдруг, что вещь, действительно, и полезна, и прекрасна во всех отношениях. Когда улыбался Граня, все улыбалось в сером домике. Даже несколько строже других относящаяся к брату Валентина, и та снисходительно усмехнулась, когда он с нежной заботливостью разглядывал свою эффектную покупку.

Теперь уже ни Марья Дмитриевна, ни Лелечка не нахо-

дили, что умывальник неуместен в гостиной. Лелечка даже робко прибавила, что он, как будто «скрашивает» их обстановку и, если убрать чашку и постлат сукно на доску, то он будет иметь вид прехорошенького письменного столика.

– А когда я буду мыться по утрам, то сукно Фекла может снимать и снова ставить чашку, – категорически заявил Граня.

– Только на кой шут тебе он? – усмехаясь, заметил Павлук. – Ведь не барышня же ты, в самом деле?! И потом лучше уж было мебель купить новую, уж коли на то пошло.

– И мебель купим! и мебель! – обрадовался Граня. – Все сложимся и купим мебели.

– Ну нет, я на это не согласна! – возвысила голос Валентина. – Мне каждая копейка теперь нужна. Необходимо тьму костюмов наделать, и рогонду, и бриллиантовые сережки, хотя скромненькие, а надо... На сцене нельзя иначе – свои условия...

– Ну, сережки тебе публика должна поднести: «Артистке Лоранской от восхищенной толпы», или что-нибудь в этом роде на футляре. Ха, ха, ха! – звонко расхохотался Граня и вдруг щелкнул себя пальцем по лбу. – Ба-а, Валентиночка! Я и забыл главное-то! Кого я встретил сегодня?... Как ты думаешь? К себе тащил. Слово взял, что буду. И буду, непременно буду! Интересно взглянуть, как миллионеры живут! На каком рысаке ехал! Кучеру не удержать даже. Узнал меня, велел остановить, сам слез с пролетки, ко мне подошел...

Я из гимназии вываливался с нашими в это время как раз... Когда, – говорит, – можно к вам приехать, Валентину Денисовну поблагодарить за ее участие к судьбе отца? Вакулин! Понимаешь, сам Вакулин! И как просто, точно свой брат-гимназист!

«Я – говорит, – на ваш гимназический благотворительный вечер собираюсь. На вокально-музыкальное отделение приеду! А ваша сестра не выступает разве?» – «Нет!» – говорю. Очень жалел, что ты не выступаешь; говорил, что читка и экспрессия у тебя изумительные... И знаете что? – обратился Граня уже ко всем, – Миша Завьялов с ним родственник дальний. Ужасно его хвалит... Вообще он мне нравится! Сегодня он будет у нас... Взглянуть, говорит, приеду, как вы устроились.

– Ах! – сорвалось в одно и то же время с уст Марьи Дмитриевны и Лелечки. – Что ж ты раньше не сказал? Мы приготовились бы.

– Да что, у вас денег, что ли, нет готовить? Пошлите за тортом к чаю, за закуской... фрукты, вино... Его надо всюю принять: ведь всем ему обязаны.

– Фекла не сумеет выбрать! – заикнулась Лелечка. – Я поеду.

– Нет, уж лучше я сам! Ты мадеру в рубль купишь знаю я тебя, скрягу! А надо хорошую. Я думаю, при его богатстве, он шампанским зубы полощет... И потом, Бога ради, ванильных сухариков не покупайте, – внезапно раздражил-

ся Граня, – задушили вы вашими ванильными сухариками. Этакое мещанство, право! И грошовой колбасы с чесноком не ставьте на стол.

– Да ведь ее Павлук любит! – подняла было голос Лелечка.

– Ну, и пусть ест ее на здоровье, запершись где-нибудь в углу... Надо сига купить... икры свежей... хорошо бы устриц...

– Батюшки! Да откуда ты про устрицы знаешь? – воскликнула Марья Дмитриевна, так и впиваясь глазами в лицо сына.

– У Завьялова ел... устрицы... Это... это ужасно вкусно! – скороговоркой произнес Граня, подражая, очевидно, кому-то из старших товарищей богачей.

– Я уши надрал бы твоему Завьялову за его устрицы! – мрачно бросил Павлук, искоса поглядывая на Граню. – Избаловался сам мальчишка и других к баловству приучает.

Но тот даже и внимание не обратил на недовольство брата.

– А не взять ли к вечеру устриц? Лелька, ты сумеешь выбрать устрицы? – обратился Граня, как ни в чем не бывало к сестре.

– Все это вздор!.. – неожиданно и резко произнесла Валентина, хранившая упорное молчание во все время разглагольствований Грани. – Кого ты думаешь удивить нашим достатком и излишеством? Человека, который знает лучше всех источник этого достатка и даже является как бы косвенно участником благодеяния, оказанного нам... Крайне безрассудно и глупо! – и она, резко оттолкнув свой стул, вышла

из-за стола.

Все как-то разом притихли. Это выходило далеко не обычное явление со стороны Валентины: она никогда не сердилась и не теряла самообладания. И при виде ее резкой выходки Марья Дмитриевна проводила тревожным взглядом свою всегда спокойную, уравновешенную дочь и впервые неприятное чувство к полученному «наследству» шевельнулось в ее сердце.

«Уж лучше не было бы его... А то, как явились деньги, детей не узнать... и споры, и недоразумение. Один покупает зря, другая обычное спокойствие потеряла. Уж Господь с ними, с деньгами, без них как-то лучше и настроение было, да и забот меньше к тому же. Вот разве только долги заплачены, да и Павлуша отдохнуть может, не так уроками надсаживается пока...»

Два последние веские обстоятельства отчасти примиряли старушку с «наследством», взбаламутившим весь строй жизни маленькой семьи.

Два последние обстоятельства примиряли, а Граня тревожил. Зоркий глаз матери не мог проглядеть, как изменился к худшему ее любимец, как плохо учится он за последнее время, как бредит балами и театрами и на каждом слове прибавляет: мы с графом Стоютиным, мы с Берлингом, мы с Мишей Завьяловым, то есть с самыми богатыми и ведущими рассеянный образ жизни юношами их старшего класса.

«Граня портится, в этом нет никакого сомнения, – тре-

можно выстукивало сердце Лоранской, и она холодела при одной этой мысли, о своем любимчике. – Надо Пашу на него напустить, пусть потолкует с ним... Может быть, он и повлияет на него, как старший брат!»

Остановившись на этой мысли, Лоранская отозвала после обеда Павлука в кухню, где у них обыкновенно происходили все важные семейные совещания, и шепотом попросила его отысповедовать Граню.

Павлук охотно согласился и тут же отправился к младшему брату, который, дав Лелечке ряд всевозможных инструкций для покупок, отдыхал теперь на широкой постели в спальне матери с учебником кверху ногами в руках.

Учебник ни мало не занимал Грани, и Павлук бесцеремонно вытащил его из рук брата, а сам примостился на краю кровати у него в ногах.

– Слушай, Граня, – сказал он, – мать беспокоится, что ты слишком много развлекаешься удовольствиями и забросил учебу, и просила меня переговорить с тобою по этому поводу.

– Гм? – неопределенно-вопросительно проронил Граня и живописным жестом отбросил кудри со лба.

И это «гм», и этот жест были не Гранины. Он заимствовал и то, и другое от Жоржа Берлинга, которому рабски подражал и манеры которого превозносил до небес, считая их последним словом шика.

– Не ломайся! – резко остановил его Павел, – а то говорить

противно.

– Так и не говори, тем лучше: я спать хочу.

– Но пойми, мать же беспокоится, тебе говорят...

– Да что ей беспокоиться? Скажи ей, что если я побываю раз-другой в гостях у наших богачей или у них в ложе в театре, от этого я не стану глупее и хуже. – И новый жест пальцами в воздухе, тоже не Гранин, а благоприобретенный им у кого-то, закончил его коротенькую тираду.

– Мать беспокоится за твое ученье, – не унимался старший Лоранский. – Это времяпрепровождение совсем выбивает тебя из колеи. Уж не говоря о том, что это расшатывает здоровье, силы, энергию, тебя, наконец, могут выключить из гимназии, потому, что учиться ты стал премерзко!

– Мой милый, об этом не беспокойся, – произнес Граня, разом меняя тон и усаживаясь на постели. – Что касается развлечений, то ты можешь меня не предостерегать, я не маленький и отлично понимаю, что если меня и выгонят за нерадение – с деньгами я не пропаду, на место поступлю.

– Что такое? что такое? – даже испугался Павел. – Что ты говоришь? Подумай только! Ведь ты юнец! Кому ты нужен, на какое место в шестнадцать лет! И при чем тут деньги?

– Как причем? Богатому скорее, чем бедному поверят! – безапелляционно решил Граня.

– Но где же богатство, Граня, где? Ведь не настолько уж ты ребенок, чтобы не сообразить, что тысяча рублей – грош.

– Из тысячи – можно десятки тысяч сделать, – снова про-

звучал уверенно голос юноши.

– Это еще как?

– А в кредит? Мне стоит только графу или Мише...

– Граня! Граня! Но ты же несовершеннолетний! Кто же даст ребенку! – ужаснулся Павлук.

– Граф и Миша тоже!

– Но ведь отдавать надо? Из каких сумм ты будешь отдавать?

– Ах, стоит ли думать об этом! Вон Миша Завьялов в один вечер четыреста рублей выиграл в карты. А он годом только старше меня.

– Граня! опомнись, что ты говоришь? – произнес Павлук с ужасом.

– Что ж тут такого! Самое обыкновенное дело. Здесь нет ничего предосудительного, все играют: и граф Стоютин, и Миша, и Берлинг.

– Твои графы, Берлинги и Миши – отъявленные бездельники! – вдруг неожиданно на весь дом заорал Павел Лоранский, – они портят тебя, сбивают с прямого пути, и если ты не одумаешься и не прекратишь дружбу с ними, я завтра же иду к директору гимназии и заявлю ему о том, что вы, мальчишки, вместо того, чтобы учить уроки, играете в карты и каждый день ездите по театрам, так ты и знай!

– Удивительно честный поступок! – процедил сквозь зубы Граня. – Выпытал, а потом доносить! Подло это!

– Что? – не своим голосом заревел Павлук. – И ты смеешь

это говорить старшему брату. Ах ты молокосос!

Павлук был бледен, как мертвец. Глаза его сверкали бесшешством, и, схватив за плечи брата, он легко поднял его с кровати и поставил перед собой.

– Если ты не изменишь твоего поведения, мальчишка, я сумею исправить его сам! Понял меня? – произнес он с угрозой, – и слегка оттолкнув опешившего Граню, тяжело дыша, поднялся со своего места и поспешил навстречу матери, прибежавшей на шум.

– Вы, мамочка, не беспокойтесь за Граню. Я с ним поговорил и ему не грозит никакая опасность, – произнес он уже спокойно и, обняв встревоженную старушку, прошел с нею в столовую.

XIII

Валентина после обеденного инцидента долго просидела одна, в сумерках в своей крошечной комнате.

Не Граня был причиной ее гнева. Граня подвернулся только, и гнев, накипевший заранее, обрушился.

Она сердилась на Вакулина, за то, что он пожелал к ним приехать «взглянуть, как они устроились». Это укололо ее гордость.

– Приедет взглянуть! Как устроились благодетельствованные его отцом бедняки! «Богач, миллионер», как говорит Граня... а такта ни на волос. Сказать такую фразу! Как «устроились» – благодаря деньгам его отца! Хорош гусь! Нечего сказать!

– А вот посмотрим! вот посмотрим! Как-то ты будешь снисходить к нам, бедненьким, ничтожным людишкам, ты – богатый, независимый, гордый человек?

И самое получение пяти тысяч от старика Вакулина теперь потеряло свою прежнюю приятную окраску в глазах Валентины. Все-таки они были получены при посредстве Юрия Юрьевича и он видел ее, гордую, самолюбивую девушку, обязанной его отцу, и всю ее семью, устроившейся благодаря этому.

И, глядя на свой новый костюм и изящные золотые безделушки, Валентина с досадой думала о том, что Юрий Ваку-

лин сразу поймет, из каких сумм приобретены все эти вещи.

Но отказаться от них она не хотела, так как они эффектно подчеркивали ее красоту, как дорогая оправа подчеркивает камень-самородок.

Вакулин приехал ровно в 10 часов, когда вся семья Лоранских, не исключая и Кодынцева и Сонечки Гриневиц, ежедневно бывавших у них, уже перестав надеяться на его приезд, сидела за столом, ломившимся под тяжестью всевозможной снеди и яств, привезенных Лелечкой из «города».

Звонок Вакулина раздался так неожиданно, что Валентина, неприятно волновавшаяся все время, вздрогнула невольно.

– Так звонить могут только миллионеры! – произнесла она с изменившимся лицом.

Но Вакулин не хотел, очевидно, казаться таким, каким его представляла себе девушка: он вошел в скромную маленькую столовую с такой неподражаемой простотою, так весело и непринужденно перездоровался со всеми и, сев около самовара, шутливо попросил разрешения у Лелечки помогать ей хозяйничать. Потом, заметив среди прочей закуски омары, он страшно обрадовался им, говоря, что обожает омары и голоден, как собака, потому что рыскал целый день по делам и не успел пообедать. Услышав это, Марья Дмитриевна ужасно взволновалась.

– Как? Не обедать до сих пор? Да ведь это непростительно. И ничего не сказать! А мы его омарами угощаем! Супа надо,

супа и бифштекс!

И, несмотря на то, что Вакулин протестовал всеми силами и отказывался от обеда, Лелечка стрелой помчалась в кухню и через десять минут явилась обратно, вся красная от удовольствия, с тарелкой борща в руках, случайно оставшегося от обеда и разогретого на бензинке. Мяса дома не оказалось, и Фекла предложила сделать яичницу-глазунью на черном хлебе, что встретило настоящий восторг со стороны гостя. Минут через пять поспешила и глазунья; Юрий Юрьевич с преувеличенной жадностью накинулся на нее, шутливо болтая то с Лелечкой и Сонечкой Гриневич, потерявшими всю свою робость при этой простоте и любезности молодого миллионера.

Покончив с яичницей и выпив чай, Вакулин прошел в гостиную и, присев к пианино, заиграл хорошенькую бравурную итальянскую песенку, чуть-чуть подпевая себе приятным, красивым тенором.

– Вы поете? – спросил Павлук.

– Немножко! – улыбнулся Вакулин, как бы прося себе снисхождения этой улыбкой и запел известную арию, аккомпанируя себе на пианино, просто, свободно и легко.

– Чудесно! Чудесно! – подхватили присутствующие.

Вакулин засмеялся.

– Ну, не очень-то! Я плохой певец!

– Ну, нет! Вы артист! Какой голос! – кричал восторженно Граня, совершенно позабывший свое недавнее объяснение с

братом и сиявший, как именинник.

Вакулин, польщенный, пел еще и еще...

И слушая его пение, видя его простое, ласковое обхождение, все Лоранские сразу решили, что Юрий Юрьевич Вакулин простой и не гордый человек.

Но больше всех восторгался Граня. Куда девался его несколько пренебрежительный тон, каким он обыкновенно говорил со всеми, тон избалованного красавца-мальчика, маменькина сынка и общего баловня! Он буквально не сводил с Вакулина влюбленного взгляда и следовал за ним, как паж за своим королем.

Одна Валентина осталась в столовой в обществе Владимира, когда все перешли в гостиную с гостем, но до нее ясно доносились и красивый голос Вакулина и отдельные восклицания, прерываемые звучным веселым смехом. И почему-то этот голос и смех были неприятны ей.

Вдруг она ясно услышала фразу, донесшуюся до нее из гостиной:

– А разве Валентина Денисовна вовсе не будет участвовать?

– Валя! – крикнула из гостиной Лелечка, – Юрий Юрьевич хочет знать...

Девушка нехотя вышла из столовой.

– В чем дело? – стараясь быть по возможности любезной, спросила она.

– Да вот про наш вечер Юрий Юрьевич спрашивает! –

оживленно пояснил Граня. – Юрий Юрьевич живое участие принимает в нем, массу цветов жертвует для продажи в пользу гимназии.

– Надо будет киоск у входа сделать! – произнес Вакулин. – Валентина Денисовна, вы не откажетесь взять на себя продажу цветов? Было бы очень любезно с вашей стороны.

Лоранская задумалась на минуту. Идея продавать цветы на благотворительном вечере в пользу гимназии, к которой она привыкла, как к своей, так как в ней воспитывались оба ее брата, сразу улыбнулась ей. Довольное выражение скользнуло по ее лицу, когда она подумала о предлагаемой ей приятной миссии.

Ей было приятно показаться в хорошеньком киоске, в освещенной бальной зале, нарядной и красивой, возбуждающей общий восторг.

Ее тщеславие заговорило снова.

– Мерси! – поблагодарила она с любезной улыбкой Вакулина, – но только меня ведь не приглашали сами инициаторы вечера.

– Об этом не беспокойся! – перебил ее Граня. – Завтра же к тебе командируют наших лучших учеников, «гордость класса», с приглашением осчастливить...

– И потом, – вмешался Павлук, – раз киоск с цветами жертвуется Юрием Юрьевичем, за ним остается право выбрать по желанию продавщицу.

– И не одну, – засмеялся тот, – Валентине Денисовне едва

ли справиться одной, я попрошу помочь и Елену Денисовну, и Софью Николаевну.

На лице Лелечки выразился неподдельный ужас.

Она? Продавать цветы? Да она сгорит от стыда от одного присутствия в нарядном бальном зале. И потом платье надо, платье новое, и чулки, и туфли, и перчатки, а она так хотела не трогать своего капитала и оставить деньги про черный день!

Однако отказываться было нельзя, и Лелечка, заметно смущенная, поспешила поблагодарить Вакулина.

Вакулин долго еще оставался у Лоранских, с каждой минутой все более и более очаровывая хозяев. Он уехал поздно ночью, спев еще на прощанье из «Евгения Онегина» арию Ленского пред дуэлью.

– Как хорошо! – искренне восхищалась Лелечка. – Если бы вы не были так богаты, вы пошли бы, конечно, на сцену? – добавила она внезапно.

– Да, если б я не был богат, то поступил бы, конечно, но теперь – увы! это невозможно!

– Почему? – искренне вырвалось у Лелечки.

– А потому, Елена Денисовна, что я слишком хорошо знаю людей. Как ни дурен и плохо подготовлен не был бы мой голос, но меня возьмут в любую труппу ради моего состояния, и еще, пожалуй, в компаньоны пригласят. К сожалению, деньги в наш век всеильны, на них приобретается все: и талант, и карьера, и даже личное счастье...

– Только не это! – порывистым восклицанием вырвалось у Валентины.

Вакулин живо обернулся к ней.

– Вы правы, Валентина Денисовна, – заметил он, – но они, т. е. деньги, иногда способствуют ему.

Это была его последняя фраза, после которой он откланялся и, поблагодарив маленькую семью за радушие, вышел в переднюю в сопровождении Лелечки и обоих братьев Лоранских.

Между тем вся семья все еще находилась под обаянием интересного гостя. Даже Павлук и тот с оживлением говорил о нем:

– И кто мог подумать, что он окажется таким симпатичным парнем?.. Нет, простота-то какая, а? Прекрасный мальиш и гонора ни-ни, нисколечко!

– Целый киоск пожертвовал, целый киоск! – восторгался Граня. – Лелька, – неожиданно кинулся он на сестру, – ради Бога, со мной посоветуйся или с Валентиной хотя бы, насчет твоего костюма, а то такой кутафьей вырядишься, что краснеть за тебя придется...

– Ты туда поедешь, Валя? – тихо спросил Кодынцев, вышедший из столовой во время пения Вакулина.

– Ты слышал же, кажется, что ее просили? Отказаться неловко, – ответил за сестру, внезапно раздражаясь, Граня.

– Ты поедешь? – переспросил Кодынцев.

Валентина молча кивнула головой. Она знала, что это

огорчит ее жениха, с которым она так редко виделась последнее время, но отказаться от любезного приглашения Вакулина и лишиться себя удовольствия она не могла.

Что-то больно кольнуло Владимира Владимировича. В первый раз ему стало досадно на свою невесту. Он слишком высоко ставил ее, куда выше всех остальных девушек. И это Валя, его серьезная Валя, оказавшаяся не менее других способной увлечься мишурным блеском и дешево купленным успехом толпы! Она способна ехать показывать свою красоту и нарядное платье, как самая пустынькая, светская девочка.

«И зачем ей это, когда настоящий успех ждет ее, успех талантливой артистки, жрицы искусства, успех актрисы?»

– Валя, голубушка! – произнес Владимир Владимирович, обнимая за талию невесту, – не езди на этот вечер, Валя, добрая моя! Прошу тебя!

– Но почему же? я не вижу причины! – холодно произнесла Валентина. – Почему? Объясни, Володя!

– Да хотя бы для того, чтобы пробыть со мною лишний вечер. Я так мало и редко вижу тебя теперь. То ты на репетициях, ну, это по необходимости, я знаю, или едешь по магазинам или проводишь большую часть времени у твоих новых театральных товарок. Прежде ты не была такою, Валечка.

– Ах, Боже ты мой, какой ты смешной, Володя! Прежде мне не в чем было выезжать, да и не на что покупать наряды было! – произнесла Валентина. – А теперь, когда есть деньги и можно на них одеться как следует и щегольнуть, смешно

сидеть дома на печке, – пожимая плечами, заключила она недовольным тоном.

– Стало быть на мое несчастье свалились эти деньги! – грустно проронил Кодынцев, поникнув головой.

– Какое несчастье! Не глупи, Володя, – раздражительным тоном бросила девушка, – да, наконец, кто мешает тебе всюду ездить со мною?! Мне было бы гораздо веселее, уверяю тебя.

– Ну, нет уж, уволь, Валентина, в светские шаркуны я не гожусь! И, как огня боюсь многочисленной публики. Я домашнее животное. Еще, пожалуй, и сконфужу тебя своим неуклюжим видом.

«А правда, он неуклюжий, хотя и очень, очень хороший человек!» – мысленно согласилась Валентина, невольно вспоминая своих новых блестящих и ловких знакомых людей, которых встречала она у Сергеева и Задонской, ездя к ним на их вечеринки каждую неделю.

И впервые она заметила, что Владимир Владимирович мало подходит к ней, к теперешней нарядной и изящной Валентине, в какую ее превратило наследство Вакулина.

В то же время в другой комнате серого домика Лелечка шепотом жаловалась Соне Гриневич, своему закадычному другу.

– Знаешь, Соня, ты не поверишь, а я так не рада, так не рада, что эти противные деньги нам с неба свалились. Все из за них какие-то точно шалые стали. Граня так франтит и

пыль в глаза пускает, что смотреть страшно. И тоже в гимназию утром не прогнать. Все вечера напролет у товарищей проводит. Мама волнуется, ночи не спит, видя, что деньги тают. Павлук уроками манкирует. Очень похвально! А кто больше всего меня пугает, так это Валентина: не хуже Грани деньги бросает и постоянно твердит, что богатым актрисам легче пробиться: и костюмы у них, и бриллианты, и все такое... Ах, Сонечка, нехорошо у нас как-то стало, ей-Богу, нехорошо!

И Лелечка, глубоко вздохнув, поникла своей милой рыжекудрой головкой.

XIV

Обыкновенно рождественский сочельник и первый день праздников справлялись очень патриархально семьей Лоранских: делали елку, украшая ее совместными усилиями, потом немножечко пели, немножечко танцевали после все-нощной, так как в сочельник приходили к Лоранским и товарищи Павла, и кое-кто из Лелечкиных подруг. Но это Рождество наступило скучно и незаметно. Гостей, против обыкновенения, не было, елку украшали только Марья Дмитриевна и Лелечка с Сонечкой Гриневич, забежавшей к Лоранским. Павлук нарядился в новую сюртучную пару и отправился встречать праздники куда-то в гости. Граня тоже отправился к кому-то из гимназистов. Даже Валентина, проводившая всегда все большие праздники дома, уехала в этот раз «встряхнуться» к Сергееву, устраивавшему у себя елку для всей актерской братии.

Марья Дмитриевна даже всплакнула под зажженным деревцом: ей было невыразимо грустно это нарушение давнишних традиций ее дорогой семьи. И действительно, зажженная елка, не окруженная молодыми веселыми лицами, производила крайне грустное впечатление и на старушку Лоранскую, и на двух молоденьких девушек, чувствовавших какое-то тоскливое уныние в этот вечер.

В десятом часу пришел Кодынцев. Но обыкновенно весе-

лый и жизнерадостный, он на этот раз не принес с собою обычного оживления. Отсутствие Валентины неприятно поразило его.

– Уж поженились бы вы скорее! – говорила Лелечка, – а то, что это, право, врозь да врозь!

Кодынецев так и не дождался в этот вечер Валентины. Она вернулась около часу ночи, веселая, возбужденная, в нарядном новом платье и в бриллиантовых сережках в ушах.

– Мой будущий успех праздновали в Снегурочке, – произнесла старшая Лоранская, – будущее исполнение роли... Как весело было, Лелечка! И что за славные люди, эти актеры! Особенно дядя Миша...

– Володя был без тебя, – проронила младшая сестра.

– Да? – спокойно изумилась Валентина. Это «да» больно царапнуло чуткое сердце Лелечки; ей стало бесконечно жаль Кодынцева.

– Валечка, – произнесла она робко, – ты поссорилась с Володей?

– Нет, а что? – удивилась та.

– Да как-то вы видите реже теперь. И ты уж не такая ласковая к нему стала.

– Вот удивительно созданы люди! – произнесла Валентина недовольным тоном. – Если нет неприятностей, они способны выдумывать их, – и вдруг, заметя вытянувшееся личико сестры, добавила уже много ласковее, – ты смешная, Лелечка, ты забываешь, что, кроме Володи, у меня явился новый

интерес – искусство, для которого я положу всю мою жизнь. Не мучь же себя, глупенькая моя девчурка, поверь, Володя не будет иметь повода быть недовольным мной.

И, поцеловав розовую щечку Лелечки, Валентина прошла к себе.

Гимназический вечер, устраиваемый с благотворительной целью в зале фон Дервиза, приходился на третий день Рождества. В этот день маленькую гостиную Лоранских нельзя было узнать... Она, по крайней мере, имела вид театральной уборной: юбки, лифы, шарфы, кружева, цветы и ленты, – все это висело, лежало, раскиданное в живописном беспорядке по широким старомодным диванам, столам и креслам.

Кроме Валентины и Лелечки, собиравшихся на бал в зал фон Дервиза, сюда пришла и Сонечка Гриневич, чтобы одеться вместе с сестрами Лоранскими и ехать с ними.

Белое тюлевое платье Валентины произвело настоящий фурор. А когда она, поверх вырезанного лифа, накинула пышное страусовое боа, Фекла, вышедшая из кухни поглазеть на туалеты барышень, всплеснула руками и, чуть не захлебываясь от восторга, произнесла:

– Андел! ну, как есть, суший андел, ей Богу!

И рыжекудрая Лелечка, и миловидная Гриневич, в своих одинаковых, по их общему соглашению, голубеньких платьицах, совсем стушевались около ярко выступившей в своей эффектной оправе красоты Валентины.

Павлук, великодушно предложивший себя в спутники барышням, так как Граня в качестве распорядителя должен был уже с семи часов уехать в дервизовский зал. Павлук при виде старшей сестры остановился в дверях и развел руками.

– Ого! шут возьми! Здорово пущено! – произнес он, окидывая всю ее фигуру любующимся взглядом. – Хорошо!

– Что, нравится? – спросила та.

Она, опустив руки, стояла теперь перед братом, как стоит модель перед художником, ожидая его приговора.

– Ах ты, Господи! Королева! Понимаешь ли, королева! – в голос завопил тот. – Ай да Галерная гавань, покажет себя! Володька! – бросился он к вошедшему Кодынцеву, – ты счастливейший человек, потому что твоя будущая жена – самая красивая женщина в мире.

– А по мне, – вставила свое слово подошедшая Марья Дмитриевна, – по мне не то хорошо, что красива Валечка, а то, что она добрая, славная девушка. Это много крат лучше. Красота-то пройдет с годами, а душа останется, не подурнеет, не испортится до самой смерти, и Володенька, я думаю, со мною согласен в этом. Правду ли я говорю, Володенька? – обратилась к Кодынцеву старушка.

Последний поспешил согласиться с нею. Он зашел по приглашению Валентины взглянуть на нее перед балом, и не узнавал ее.

Она, эта эффектная красавица-девушка, эта королева, как назвал ее Павел, казалась ему теперь такой чужой и недо-

ступной! Она так далека была от той милой спокойной девушки, которая прошедшей весной под веткой яблони сказала ему свое драгоценное «люблю». Но и эта новая, нарядная, эффектная Валентина была ему все-таки бесконечно дорога, потому что все-таки это была она, избранница его, будущая любимая жена и друг на всю жизнь.

А Валентина, между тем, говорила ему каким-то новым голосом, и каждое слово этого голоса казалось неискренним и чуждым Кодынцеву в ее устах:

– Ты не сердись больше, Володя? Ты не дуешься на меня? И странно было бы дуться за то, что я хочу немного повеселиться... не правда ли? Ты ведь сам, помнишь, часто упрекал меня в чрезмерном спокойствии и равнодушии к жизни, а теперь... Теперь ты снова недоволен, что я немного развернулась... И почему бы тебе не поехать с нами?.. Право, поедем, Володя?

«И в самом деле, почему бы не поехать?» – мелькнуло в голове Кодынцева, но он тотчас же отбросил эту мысль.

«Ну куда ему ехать, медвежонку неуклюжему, он и танцевать-то не умеет, а один вид бальной залы наводит на него тоску! Нет, ему там не место!»

Между тем, Валентина не хотела, казалось замечать его упорство. Она усадила Кодынцева на диванчик подле себя и говорила ласково и задушевно:

– Не сердись, Володя, что я не исполнила твоей просьбы... и что я еду, но... это первый и последний вечер моей жиз-

ни... Когда я выйду замуж, то клянусь тебе, никуда кроме театра не буду выезжать, Общество для меня уже не будет существовать. Даю тебе слово! А сегодня мне так хочется на людей посмотреть и себя показать, Володя!

Четверть часа позднее Кодынецв заботливо укутал свою невесту в новую ротонду с белым воротником тибетской козы и посадил ее с Лелечкой на извозчика. На другого извозчика уселись Сонечка Гриневич и Павлук.

– Желаю веселиться! – крикнул Кодынецв, когда они отъехали, в пространство декабрьской студеной ночи, и с упованием прислушался к милому голоску, ответившему из-под поднятого воротника тибетской козы:

– Спасибо, Володя! Завтра вечером жду тебя непременно!

И, успокоенный, с умиротворенной душой, Кодынецв пошел обратно в маленькую гостиную, где все так живо напоминало ему недавнее присутствие Валентины.

– Уехали? – спросила Марья Дмитриевна, приводившая в порядок гостиную после отъезда дочерей. – А Валечка-то какая, – не дожидаясь его ответа, восторгалась старушка, – смотришь на нее, удивляешься: и откуда у меня такая красавица уродилась? Действительно, королева! И держит себя, как настоящая аристократка! И откуда у нее эти манеры? Эх, не подходит она к нашей жизни!.. Ей роскошь, богатство нужны. Вон она развернулась, как только лишь нашла возможность по-людски одеться... Как рыба в воде заплывала... точно и век она была такой-то принцессой!

Но тут старушка Лоранская вдруг осеклась, взглянув в лицо Кодынцева – он весь как-то разом осунулся и потускнел.

«Не подходит она к нашей жизни», – зазвенели у него в ушах слова старушки, и что было хуже всего – то, что он сам отлично сознавал всю справедливость этих слов. Он раньше всех понял эту горькую истину. Еще будучи скромной бедной девушкой, нуждающейся в самом необходимом, Валентина уже носила в себе все эти зачатки любви к роскоши и богатству, а теперь, когда его золотые пылинки – только пылинки – облепили ее, она разом расцвела и преобразилась.

«Да! не для скромной будущности создана Валентина! Она зачахнет, как цветок, в своей серой обстановке...» – с горечью подумалось молодому человеку.

А Марья Дмитриевна, угадавшая мысли Кодынцева, уже сожалела о начатом разговоре и всеми силами старалась исправить неприятное впечатление, произведенное ее словами.

– Полно, Володенька, не грусти! – говорила она, – выход есть: Валечка – артистка, и в денежных недочетах ее утешит сценический успех – и не заметит их. А успех у нее будет, сам же ты говоришь, что она талантливая...

– Дай Бог, дай Бог! – грустно покачивая головой, произнес Кодынцев и, простившись с доброй старушкой, печально побрел домой.

XV

Появление барышень Лоранских в небольшом, но красиво декорированном зале фон Дервиза произвело настоящую сенсацию. Граня, со значком распорядителя, встретил их на лестнице и опытным взглядом ценителя окинул туалеты сестер.

«Батюшки мои, как Валентина эффектна!.. И одета очаровательно», – не мог не заметить он про себя.

Большая часть гимназистов-старшеклассников окружила барышень, выпрашивая у Валентины какой-нибудь танец. Та только улыбалась и молча покачивала своей очаровательной головкой, ссылаясь на то, что не может танцевать, так как ей предстоит нелегкая роль продавщицы.

Тогда вся эта шумная орава накинута на Лелечку. У той даже закружилась голова от всех этих имен, фамилий, синих мундиров и юных лиц. Она кончила тем, что перепутала их всех, и стояла теперь розовая, смущенная подле старшей сестры.

Искренний возглас изумления и восторга вырвался из груди Валентины, когда она увидела киоск с цветами, где она должна была продавать. Это была прелестная благоухающая беседка из роз всех оттенков, начиная кровависто-алым цветом и кончая белой и нежною, как снег, из нежных гардений, похожих на мечту, из красных камелий и медвяно-аро-

матичных лилий, дурмящих до головокружения. Небольшая рама из зеленого плюща, перевитого с темно-красными, почти черными розами, была настолько невелика, что в ней могла только поместиться головка Валентины, и, когда девушка появилась в этом живом пахучем окне, все, кто был в эту минуту в зале, обернулись в ее сторону: среди темного плюща и темных цветов окутанная белым тюлем Валентина казалась настоящей сказочной феей и редкой красавицей. Она сама поняла это из того шепота одобрения, который пронесся по залу при ее появлении в рамке беседки, и в сердце ее зажглось чувство и гордости, и удовлетворенного тщеславия..

Публика начала стекаться к девяти часам.

Сам Вакулин приехал перед вторым отделением концерта.

Валентина торговала без остановки в своей очаровательной беседке. Около ее киоска сгруппировалась самая блестящая публика.

– Ну, что, справляетесь, Валентина Денисовна? – отвешивая почтительный и низкий поклон девушке, спросил ее Вакулин.

– Слава Богу, все идет отлично! – весело отозвалась она.

После концерта стулья сразу исчезли куда-то из зала в одно мгновение ока, благодаря ловкости юных распорядителей, и начались танцы.

– А вы не танцуете? – спросил снова молодую девушку Вакулин при первых звуках вальса.

– Напротив, страшно люблю танцы, но если я пойду кружиться, приостановится продажа цветов. И бедные гимназисты будут в убытке! – искренне отвечала она.

– Но в таком случае, я попрошу кого-нибудь из распорядителей заменить вас! – любезно произнес Вакулин и посадив на место Валентины в киоске подвернувшегося кстати Граню, подвел своего товарища, блестящего офицера к Валентине, который и пригласил на тур вальса старшую Лоранскую.

Молодая девушка вальсировала прекрасно. Ее грациозная фигурка носилась, как нарядная птичка, с одного конца залы на другой. До ее ушей долетал сдержанный шепот восторга по ее адресу, срывавшийся с уст присутствующих, и сердце тщеславной Валентины билось с удвоенной силой.

Чуть-чуть запыхавшуюся ее кавалер доставил ее к киоску. Но ей не удалось присесть. Целая толпа молодежи ждала ее там, прося Вакулина представить их девушке.

И снова Валентина закружилась по залу, возбуждая общий восторг своей грацией и красотой.

За вальсом следовала кадрили.

Лелечка и Соня Гриневич тоже танцевали без усталости.

Валентину снова пригласил товарищ Вакулина, офицер Смирнов, и они заняли места. Сам Юрий Юрьевич не танцевал из-за траура.

– Вам весело? – спросил он девушку.

– Ужасно! – искренне вырвалось у нее. – Ведь это мой

первый большой вечер!

Ей было действительно весело. Хотелось, чтобы этот чудный бал длился бесконечно. После кадрили начался бесконечно длинный, веселый котильон, во время которого Валентину выбирали то и дело и она танцевала, не присаживаясь ни на минуту. Ею восхищались, ей говорили, что она царица бала, и она кружилась, как бабочка, беззаботно и весело отдаваясь веселью, зачарованная своим успехом.

Как сон промелькнул чудный вечер и Валентина очень удивилась, как Павлук напомнил, что пора ехать домой.

И тут только по дороге в гавань, девушка впервые вспомнила о Кодынцеве и сердце ее защемило упреком.

– Бедный Володя! А ему и не пришлось повеселиться, как мне! – подумала она.

– Ну уж и бал! – ворчала ехавшая с нею Лелечка, – весь волан у юбки оторвали и платье надо в чистку отдавать. И чем они паркет натирают, что от него желтые пятна на подоле остаются! Нет уж, ни за какие коврижки не буду ездить по балам! И убыточно, да и не весело вовсе! – решила она, подъезжая к дому.

XVI

Валентина сидела, взволнованная и грустная, перед началом репетиций у себя в театральной уборной. Эта неделя после благотворительного вечера протянулась каким-то тоскливым кошмаром. В театре вышла неприятность. Донская-Звонская отказалась играть Купаву, подругу Снегурочки, оттого только, что ее роль была второстепеннее самой Снегурочки, которую играла она Валентина, – пришлось заменить ее другой актрисой. Костюмы, присланные поставщиком-костюмером, оказались далеко не удовлетворительными для Снегурочки-Лоранской. Дешевый парик сидел плохо. Теперь уже было невозможно добыть другой парик и костюмы, не из чего было сделать. Те тысяча двести рублей, которые пришлись на ее долю, давно вышли на покупку ротонды, платьев, необходимых и самых скромных бриллиантов. Валентина издержала все свои деньги; даже пришлось признаться у Лелечки, великодушно предложившей свои услуги.

А тут еще Граня. На Граню уже жаловались из гимназии, грозили исключением. Несмотря на выговор и угрозы старшего брата, он продолжал дружить с Берлингом и Завьяловым и попался с ними кому-то из преподавателей в ресторане, куда гимназистам строго запрещалось ходить. Гранина часть испарилась уже давно, как дым, о ней не было и поми-

на, и он уже тоже кредитовался у той же Лелечки. И Павлук ходил, как в воду опущенный, и ныл, что у него нет денег и что деньги нужны до зарезу, потому что на свои деньги он сделал новую обмундировку, платье и белье, а частью роздал товарищам.

Словом, вся семья Лоранских разом пришла к тому заключению, что сумма в пять тысяч – далеко не такая крупная сумма, какую показалась им вначале, и что лучше ее совсем не было бы: по крайней мере, они не были бы выбиты из колеи внезапно осыпавшимися на них золотыми крохами.

Все это было крайне неприятно и не могло не отразиться на настроении Валентины. Но больше всего ее мучил сейчас недостаток с костюмом. Невозможно было играть Снегурочку в том, что ей принесли из костюмерной. Надо было соорудить во чтобы то ни стало новый костюм, а на него не было денег. Она жестоко раскаивалась теперь в том, что купила много ненужных и бесполезных вещей, не отложив ничего на более необходимое приобретение.

Продавать же одно, чтобы купить другое, Валентина не хотела из ложной гордости. Все в театре уже знали и ее нарядные костюмы и драгоценные вещицы. Оставалось одно: играть в старом обтрепанном «казенном» платье и некрасивом парике.

Лоранская самым искренним образом приходила в отчаяние от своего «несчастья». В ее голове уже мелькала мысль отказаться от роли Снегурочки.

– Вот-то Донская-Звонская будет рада!.. – быстро промелькнуло у нее в голове. – Нет, уж буду играть, чтобы не дать торжествовать насмешнице! – решила она с тяжелым вздохом.

В уборную постучали.

– Войдите! – крикнула молодая девушка.

На пороге театральной комнатки появилась маленькая худенькая особа в поношенном салопчике с хитрым пронырливым лицом и беспокойно бегающими глазками. У нее был огромный узел в руках. Это была очень известная по театру продавщица-комиссионерша, снабжавшая костюмами артистов и артисток в кредит.

Вместо того, чтобы заплатить всю сумму сполна, клиенты и клиентки этой ловкой особы выплачивали ей в рассрочку. Но зато и цены же назначала она!

Марфеньку-поставщицу самым справедливым образом называли вампиром, потому что она не хуже любого вампира высасывала кровь из своих клиентов, вытягивая из них огромные деньги за самые нестоящие вещи. Но все-таки прибегали к ее помощи, потому что, во-первых, вампир давал товар в рассрочку, во-вторых, не требовал никакого задатка.

– Что вам, Марфенька? – удивленно вскинула глазами на неожиданную посетительницу Валентина, кивнув головкой на ее поклон.

– А вот слыхала я от госпожи Донской, золотая моя ба-

рышня, – запела приторно-слащавым голосом Марфенька, – что вы в костюме нуждаетесь. А у меня как раз на ваш рост «Снегурочка» найдется. Случайно приобрела. Вот взглянуть не пожелаете ли?

И прежде чем Лоранская успела произнести слово, она живо развязала свой узел, и молодая девушка увидела очаровательный из белого атласа, отороченный лебяжьим пухом, костюм Феи Зимы и такую же лебяжьей шапочкой и высокими сапожками.

– Ах, какая прелесть! – вырвалось возгласом восхищение из груди Валентины. – Но это, должно быть, страшно дорого, Марфенька!?

– Не дороже денег, красавица вы моя! А вы примерьте только, костюмчик-то. А с уплатой после сочтемся.

– Да у меня и денег-то нет, чтобы заплатить!

– Эва! А Марфенька-то на что? Да Марфенька сто лет уплаты от такой хорошей барышни ждать будет. Служить будете, играть хорошо станете и прибавку получите, вот и расплатитесь. Вы только примерьте! Только примерьте, красавица вы моя!

Валентина не могла уже устоять от соблазна и примерила костюм. Каким-то чудом у той же Марфеньки очутился и парик, совсем подходящий на ее, Валентину голову. Молодая девушка примерила и парик и невольно ахнула, взглянув на себя в зеркало.

Перед ней стояла прелестная маленькая Фея Зимы – де-

вочка Снегурочка, белокурая, нарядная, очаровательная в своем белом костюме.

– Ну, не говорила я! Ну, не говорила! Точно на вас все это по заказу сделала, красавица вы моя писаная! – юлила вокруг нее Марфенька. – Неужто ж откажетесь от роскоши такой!?

Валентина еще раз оглядела себя в зеркале и решила тут же: отказаться она не в силах.

Уж очень привыкла она производить впечатление своими нарядами за последнее время! О потрепанном старом казенном костюме ей не хотелось и думать, – а Марфенька подождет, – решила она и тут же подписала счет, поданный ей Марфенькой, по которому она должна была уплатить крупную сумму поставщице...

За пять минут до начала Валентина была готова. В белой коротенькой юбочке Феи Зимы, в красивой серебристой рубашке, в лебяжьей шапочке, она казалась девочкой, прелестной грациозной девочкой, почти ребенком, так, по крайней мере, сказали ей одевавшая ее Лелечка и пришедшие взглянуть на нее братья и Кодынцев, перед самым выходом на сцену.

Когда Валентина выпорхнула на подмостки, прелестная, как бабочка, ее сначала не узнали в зале, но, лишь только она заговорила, театр дрогнул от рукоплесканий и покрыл ее слова восторженным гулом и криками.

Валентина торжествовала: вся эта разношерстная, уже знакомая и милая ее душе толпа встретила ее, как любимицу.

Первую сцену она провела с неподражаемой детской грацией ребенка-Снегурочки, упрасивающей дедушку Мороза и мать Весну-Красавицу, отпустить ее на волю, из дремучего леса, погостить у людей.

Ее детский монолог прозвучал с таким подъемом, с таким восторгом, смешанным с уверенностью, что она найдет там счастье, во что бы то ни стало, что весь театр откликнулся гулом аплодисментов на этот молодой вызов судьбе.

И вдруг невидимая из оркестра рука подала ей тяжелую корзину, наполненную белыми, как снег лилиями.

Радостная, трепещущая Валентина низко поклонилась публике.

Выражение восторга осветило все ее красивое лицо. Между публикой и прелестной девочкой-Снегурочкой словно протянулись какие-то невидимые провода, соединившие их друг с другом в одно гармоническое целое.

Второй акт, где преобразившаяся из девочки-Снегурочки в простую крестьяночку Валентина попадает в царство царя Берендея и встречает там пастушка Леля, удался еще лучше молодой артистке.

Валентина была, как в дурмане, передавая со сцены трогательную историю Снегурочки.

Роль удалась ей, помимо ожидания, и удалась блестяще. Прелестная классическая сказка Островского захватила девушку. Роль Снегурочки чрезвычайно подходила к ней. Холодная маленькая Снегурочка уходит к людям из своего лес-

ного царства, чтобы радоваться, веселиться и печалиться с ними вместе. Но у нее сердечко из льда, она любить не умеет. А в царстве Берендеев назначено общее благословение царем на брак девушек и юношей. Снегурочка видит счастье других, и ей хочется полюбить тоже. Она бежит обратно в лес, вызывает свою мать Весну-Красавицу из лесной чащи и умоляет ее дать ей немного сердечного тепла, любви, той любви, которую переживают люди. И Весна исполняет желание дочери, дает ей просимое, предостерегая ее от солнца, которое может погубить ее, расплавить, уничтожить своими лучами.

Снегурочка возвращается в деревню, счастливая, радостная. Она любит пастушка Леля и отдает ему свое сердце.

Но когда царь Берендей благословляет брачущиеся пары девушек и юношей – внезапно появляется солнце, и под его нестерпимыми лучами тает и исчезает на глазах толпы девочка-Снегурочка, умирая, все же счастливой тем, что узнала человеческое теплое, светлое чувство любви.

– Вы очень мило играете, – встретил ее похвалой за кулисами режиссер по окончании спектакля.

– Прекрасно, что и говорить! – подхватил Сергеев.

А в уборной ее уже ждали «свои», на этот раз с Марьей Дмитриевной во главе, решившейся по настоянию младших членов семьи прийти посмотреть дочурку.

– Валечка, умница ты моя! – прошептала старушка и вдруг тихо заплакала, прижимая голову дочери к груди.

– Мамочка! а костюм-то каков на нашей Валентине! Вот что значит знаменитость, какой наряд-то ей соорудили, не поскупилась театральная дирекция, – вскричал Павлук.

Хорошо, что Марья Дмитриевна не смотрела в эту минуту в лицо дочери, а то бы от нее не ускользнул смущенный и растерянный вид девушки. Всем своим Валентина сказала, что наряд Снегурочки у нее «казенный», сделанный театральной администрацией, и теперь она вспыхнула до корней волос за эту ложь.

– А тебе Вакулин цветы прислал! Его самого в театре не было. Зато корзина!.. – тараторил Граня, – это за твое участие в продаже в киоске, а в следующий раз сам приедет и товарищей своих привезет, он говорил мне сегодня, я у него был с визитом. Весь первый ряд займут и хлопать будут. Ах, какой он любезный, завтраком меня угощал! – хвастал Граня.

– А ты бы лучше уроки учил, чем визиты делал! – буркнул на него Павлук.

– Ну, на тебя не угодишь, – обиженно надул губы Граня. – Я и то с Берлингом и графом разошелся и не дружу с ними. А ты все ворчишь.

Граня говорил неправду. Он по прежнему дружил и с Берлингом, и с Завьяловым, и с Стоютиным, но боясь новой вспышки Павлука и исполнения угрозы последнего, не решался сознаться в этом.

XVII

В последнее время Граня ходил мрачный, нахмуренный и сердитый. У Грани не было денег. За это время юноша так привык ощущать в кармане приятное позвякивание монет и шелест ассигнаций, как и привык проводить вечера в веселом обществе богатых друзей где-нибудь или в ложе театра, или в цирке, куда не проникал глаз бдительного гимназического начальства; привык одеваться франтиком, душиться дорогими духами, носить дорогую обувь... Он «тянулся» за богатыми товарищами и подражал их образу жизни и привычкам. Его «часть» растаяла очень скоро таким образом, благодаря подобным требованиям и вкусам; новых ресурсов неоткуда было ожидать, а требования увеличивались с каждым днем, так как привычка бросать деньги на всевозможные удовольствия глубоко пустила свой вредный корень в недра души Грани.

И Граня страдал искренне, упорно...

Приобретение денег являлось теперь ему чем-то вроде мании. Он думал о них, бредил ими. Правда, оставалась еще нетронутая материнская часть (Лелечкины деньги были уже дружно разделены и не менее дружно растрочены им и Валентиной, благо она сама предложила их), но Граня не решился бы ни за что беспокоить мать с подобной просьбой.

А его друзья, Берлинг, Завьялов, Стоютин, невольно уси-

ливали мучения Грани.

– Лоранский! – едем прокатиться сегодня! – говорили то тот, то другой из них. – Жорж тройку нанял! Прелесть, что за лошадки!

– Не хочу! одни поезжайте! – мрачно отказывался Граня и с завистью следил за товарищами, которые собравшись в кружок, оживленно совещались по поводу новой прогулки.

– Да что ты сквалыжничает? – посмеивался над ним тот же Берлинг. – Всем известно, что наследство получил, а он скупится... – насмешливо добавлял он.

– Хорошее наследство! нечего сказать! – закипал неожиданным гневом Граня. – Разве это наследство? Не стоило и брать-то его, только раздражили им, несчастным сделали... – изводился он.

– Да ты толком говори! – засмеялся его старший товарищ. – Все деньги вышли!?

– Все! – безнадежно махнул рукою Лоранский.

– Так ты займи! – простодушно предложил Берлинг.

– Ах, правда! – обрадовался Граня. – И как это мне раньше в голову не приходило? Только где занять? – разом впадая в прежнее уныние, произнес Граня.

– Ну, на первый раз у меня займи, а там я тебя в такое сведу местечко, где под проценты получишь, брат, все, что хочешь.

– А разве дадут? – обрадовался Граня.

– Понятно! – отозвался Берлинг. – Ах, да, ты еще несо-

вершеннолетний, черт возьми! – спохватился он внезапно на пришедшую ему в голову мысль. – Тебе только шестнадцать лет!

– Несовершеннолетний! – мрачно произнес Граня, – да и платить не из чего будет! Это, брат, в сторону клади!

– Ну, так у меня и еще возьми! Поверю же я тебе. Не сбежишь же ты!

И Граня занял у Берлинга, занял и у Миши Завьялова, и у юного графа и с ними же при первом удобном случае спустил эти деньги. Потом, воспользовавшись новым предложением, занял еще и еще и пошел уже занимать без числа и счета, благо богатые товарищи получавшие на руки деньги, предлагали ему.

Сначала богатые, независимые юноши очень охотно снабжали деньгами Граню: его любили за веселость и добродушие; но потом товарищи стали коситься на молодого Лоранского, не получая обратно одолженных ему денег.

И между друзьями и Граней пробежал первый холодок.

Скоро этот холодок перешел в открытые враждебные отношения. Компания стала сторониться Грани. И Граня почувствовал себя еще более одиноким и несчастным, нежели прежде.

Однажды вечером он встретил на улице молоденького безусого студента-путейца прошлогодного выпуска их гимназии. Фамилия путейца была Веселов, и он вполне оправдывал ее своим веселым характером, откликающимся на

всякие удовольствия и веселые проделки с самым живейшим участием.

– Батюшки! тень отца Гамлета! – вскричал он при виде мрачно шагающей фигуры Грани. – «Что так задумчив? Что так печален?» – запел, безжалостно фальшивя, Веселов.

– Денег нет! – отрезал Граня вместо всякого объяснение.

– Ну, вот вздор – «денег!» – расхохотался тот. – Какие еще нашему брату деньги нужны! Пойдем-ка лучше со мною поселиться. У Люлюшиных вечеринка сегодня. Знаешь Люлюшиных? У них мебельные магазины в Андреевском рынке... И в карты играют и танцуют.

– Не люблю я танцы. Барышень развлекать надо, а мне свои дома надоели: сестра, да подруги ее, – мрачно произнес Граня. – «Ах» да «ах» у них на первом плане... Ах, балы, ах театры... Ах Максим Горький... Ах, Станиславский! Ах, воланы! Ах бантики... Кудах-тах-тах! Кудах-тах-тах!.. Сушице курицы!

– Ну, и не танцуй с ними, – снова расхохотался Веселов, – а на вечеринку все же ступай со мной за компанию. Там в карты играют. Смотри, выиграешь чего доброго – разбогатеешь!

– Не хочу я в карты! – буркнул Граня.

– Ну, вот еще! Того не хочу, этого не хочу! Да ты маменьки боишься, что ли? Дитяtko какое! Сам с версту вырос, а без маменькиного разрешения ни на шаг. Ребеночек! Что и говорить!

Веселов задел больное место Грани. Больше всего из ложного самолюбия и стыда юноша боялся, чтобы его не сочли ребенком, и, чтобы никто не мог принять его за мальчика, Граня готов был выкинуть самый необдуманый и нелепый поступок.

– Ну, ладно, идем! – проворчал он себе под нос и зашагал о бок с торжествующим Веселовым на вечеринку к Люлюшиным.

Там молодым людям очень обрадовались. Устраивали эти вечеринки для Манечки Люлюшиной, молоденькой пятнадцатилетней девочки-гимназистки, и для ее подруг.

Начались танцы, до которых Граня был не большой охотник и, все с тем же Веселовым, они прошли в кабинет.

Там при участии хозяина дома несколько человек гостей играли в карты.

Граня понятия не имел о карточной игре, но тем не менее он сел по приглашению кого-то из новых знакомых за стол и принял участие в игре.

Веселов сидел подле него и учил, что надо делать.

– Нет, брат, тебе не везет, – произнес Веселов, после того, как Граня проиграл партию, – давай-ка я за тебя сяду.

– Ну нет, я сам хочу! – упрямо проговорил Лоранский и продолжал играть.

Но неумелый игрок Граня проигрывал все больше и больше. Наконец, хозяин дома взглянул на хорошенького мальчика, одетого в безукоризненное статское платье (Граня те-

перь не иначе появлялся в гостях, как в статском костюме, несмотря на то, что это строго запрещалось гимназическим начальством) и участливо проговорил:

– Бросили бы, юноша. Раненько играть начали. Небось, родные не для того вам деньги дают. Ну, позабавились, ну и ладно. Пора и честь знать! Пошли бы с молодежью поплясать – куда лучше.

Граня вспыхнул до корней волос, услыша такие слова. Как? Что? Его считают за малыша! Но это уже слишком! Он докажет им всем, какой он малыш! И не перестанет играть, если бы даже это сопряжено было с вопросом жизни и смерти.

– Не беспокойтесь, – холодно отвечал он Люлюшину, – деньги у меня не родительские, а мои собственные, и я ими волен распоряжаться по своему желанию.

И он с удвоенной горячностью погрузился в игру.

* * *

Была уже ночь, когда Граня вышел от Люлюшиных. Он был сам не свой. Бледный, дрожащий, едва держась на ногах от волнения, шел он по пустынной улице, пробираясь домой.

Сегодня с ним случилась страшная и неприятная история. Он незаметно проиграл двести рублей и должен был по данному им слову возвратить их, не позднее, как через три дня, выигравшему. Если бы это произошло несколькими месяца-

ми раньше, юноша, безо всякой помехи вернул бы деньги. Но теперь у Грани не было ни гроша за душой. Он был должен и так всем своим приятелям, и, разумеется, никто из них не поверит ему больше в долг. А между тем отдать было необходимо. Веселов поручился за него, как за честного человека, дал за него слово, что он заплатит. При этой мысли Граня схватился за голову и заскрежетал зубами.

Бессильное отчаяние охватило его...

Что ему остается делать?

Он в долгу, кругом в долгу! А тут еще уроки у него идут из рук вон плохо и не сегодня завтра его выключат из гимназии. Жгучее раскаяние на безалаберно проведенное время охватило Граню.

– А все деньги! Эти негодные деньги! Не свались они тогда как снег на голову, не выбей меня из колеи, ничего подобного не случилось бы!

Граня совсем забыл в эти минуты, что виновато здесь было не полученное наследство, а он сам, не сумевший распорядиться им.

Он машинально шагал по улице с горячей головой, с сильно бьющимся сердцем. Жизнь представлялась ему теперь полной ужаса и горя. Положение казалось безвыходным, смертельная тоска леденила сердце.

Страшно было возвращаться в гимназию, где все были недовольны им, жутко встречать товарищей, напоминавших об уплате долгов, и, наконец, ужас леденил душу при одной

мысли о том, что Веселов придет через три дня к нему за деньгами с тем полужнакомым господином, которому их проиграл он – Граня.

Бедный юноша задыхался от волнения. Холодный пот проступил у него на лбу. Он весь дрожал, как в лихорадке.

Не помня себя от волнение Граня свернул в линию и вышел на набережную. В раннем рассвете весеннего утра высились здесь темными громадами иностранные корабли.

Граня бросил машинально взгляд в их сторону и замер от неожиданности. Острая мысль подсказала ему выход. Желанный выход из ужасного положения.

Завтра, он знал, один из заграничных пароходов должен был уплыть на родину, благодаря рано начавшейся навигации. Что, если он, Граня, всеми правдами и неправдами добьется того, чтобы его приняли юнгой на пароход, – он уплывет отсюда сначала в Швецию, затем в Америку. А в Америке, сделавшись янки, сумеет разбогатеть, накопить необходимую для уплаты сумму, и, кстати, и для себя, и вернется домой богатым человеком. Да, да, прекрасная мысль! Как это он раньше до нее не додумался! Какой он, Граня, глупец!

А между тем все устраивается, так просто, так ужасно просто. Он скажет капитану парохода, что он круглый сирота и хочет поступить в юнги... Неужели же его не возьмут? Что у него нет документов – все это пустяки. Примет и без них. Ведь мог же их затерять, наконец! О, как он это хорошо придумал, Граня!

Попросить принять юнгой на пароход, доплыть до Швеции, там пересесть на другой корабль, и дальше, дальше в страну золота и счастья! На вольный заработок! Туда, скорей! Жаль семью, конечно... Особенно маму... Она так любит его, и исчезновение ее любимчика Грани даст ей немало тяжелых переживаний! Но это в сто крат лучше, нежели ее Граню сочтут подлым бесчестным человеком. И, потом, он вернется к ней через год, через два, богатым, независимым и ее же обогатит, свою старушку.

А пока ей можно оставить записку, куда и для чего он едет и почему он – Граня – должен будет так внезапно покинуть родительский кров...

И, остановившись на таком решении, юноша уже много бодрее и спокойнее зашагал по пустынным линиям Острова к себе в Гавань.

XVIII

В тот же вечер Валентина играла новую роль.

В последнее время ей не приходилось выступать на подмостках, так как в пьесах, входивших в репертуар их театра, не было достаточно значительной роли для амплуа, занимаемого ею. И только через два месяца после перерыва, в первые весенние дни ей прислали прелестную роль в пьесе Островского и Соловьева – молоденькой простенькой девушки, выросшей в деревенском захолустье.

Роль понравилась Валентине. Она быстро вообразила себя в ней и тот успех, который ожидал ее у публики. В успехе она уже теперь не сомневалась. Она сознавала свою силу и гордилась собою.

Но учить роль было положительно некогда. После утреннего чая, начиналась езда по магазинам, беседы с портнихами, благо теперь снова завелись деньги, на которые Валентина могла делать себе костюмы.

«Лиха беда начать», – как говорит русская пословица, а «беда» уже давно началась у Валентины и теперь только продолжалась, не будучи в силах остановиться. Дело в том, что за первым костюмом Снегурочки, та же Марфенька снабдила ее и другими костюмами или материями для них, а то и попросту деньгами. Раз уже начав кредитовать, молодая Лоранская не могла лишиться себя столь заманчивой возможно-

сти хорошо одеваться. А ее счета у Марфеньки все росли не по дням, а по часам, хотя Валентина, казалось, мало заботилась об этом.

– Э, пустое! – с беспечностью ребенка утешала она самое себя. – Выплачу, отдам понемногу! А одеваться на сцене кухаркой нельзя. Публика осудит, да и товарищи тоже.

При этом Валентина совершенно упускала из виду то, что между «платьем кухарки», как она называла свои прежние скромные костюмы, той красной кофточкой, которую она сшила при участии Лелечки к своему дебюту – была огромная разница. Но молодая девушка не хотела замечать ее, как не хотела помнить и ту скромную красную кофточку, так подчеркивавшую ее незаурядную внешность в первый спектакль.

Теперь у нее были другие требования, другие желания. Получив возможность, благодаря тому же наследству, приобрести себе нарядные вещи, теперь уже не могла отделаться от охватившей ее горячки покупать, заказывать и примерять.

– И как это ты так умеешь экономно все устроить? – удивлялась Лелечка, наивно поверившая со слов Валентины то, что у нее еще есть кой-какие остатки от ее части, на которые она и приобретает гардероб.

Старшая сестра только краснела и отводила глаза от младшей сестры. Как бы ужаснулась благоразумная, экономная и расчетливая Лелечка, узнав о Марфеньке и ее счетах!

Последняя уже начинала тревожить Валентину. Она

несколько раз намекала девушке, что она «женщина бедная, сирота круглая» и что обижать ее грех. А в результате попросила делать более крупные взносы для уплаты по счетам, чем как это раньше делала Валентина.

Последняя легкомысленно пообещала Марфеньке исполнить просьбу, совершенно позабыв о том, что большую часть заработка ей необходимо было отдавать матери.

Наступил день спектакля. Вакулин сдержал свое слово и приехал взглянуть на игру Лоранской, привезя с собою нескольких своих товарищей из богатых аристократических домов. Они заняли весь первый ряд кресел.

Раек, стулья и задние ряды кресел были заняты постоянными посетителями театра, состоящими преимущественно из студентов, курсисток и прочей учащейся молодежи. Находились тут же и Кодынцев с Лелечкой и Павлуком. На этот раз Граня отсутствовал, находясь в это время у Люлюшиных.

Валентина, несмотря на роль, требующую скромного костюма, оделась дорого, красиво и изящно.

Правда, платьице скромной дочери бедного помещика, Оли, которую играла сегодня Лоранская, было сделано из легкого розового батиста, но зато каждый волан был обшит настоящими брюссельскими кружевами и такая же косыночка из тех же брюссельских кружев в стиле Марии Антуанетты облегла ее плечи. В ушах горели, переливаясь, бриллиантовые сережки, что совсем уже не подходило к ее роли. Лелечка, одевавшая по обыкновению сестру, робко заикну-

лась было об этом.

– Не твое дело! – вспыхнула старшая сестра, пугая бедную девочку непривычной резкостью тона.

И Лелечка стихла, как всегда затихала она во избежание неприятностей, которых боялась больше всего в жизни.

Глухой ропот одобрения прошел по первым рядам, когда Валентина вышла на сцену.

Долетевший до ее слуха он сильно подействовал на нее. Уверенность в своей силе, в своей красоте наэлектризовала Валентину, давала ей апломб. Она вызывающе гордо подняла головку с видом королевы и победительницы, а с уст ее срывались в то время простые речи скромной трудолюбивой девушки-работницы, мечтающей о семье, о домашнем очаге, о труде в поте лица о бок с тружеником-мужем. И так дико, так странно звучали они в устах этой нарядной торжествующей красавицы!

И сама Валентина почувствовала еще далеко не угасшим в ней инстинктом артистки, что вышло не то – фальшиво и нехорошо. Но поправиться и впасть в надлежащий тон роли было уже поздно. К тому же она не знала роли и брала позы, делая самые неподходящие движения и жесты. И она, понимая, что возврата нет, словно закусила удила, прибавляя все больше и больше апломба, гордости и уверенности в тоне и совсем не подходящих к роли.

– Что вы наделали? Вы мне всю сцену испортили, – в отчаянии хватаясь за голову, вскричал, выходя за кулисы ее

партнер Заволгин, игравший с нею. – Что с вами случилось!?! И костюм какой! Да разве это Оля!?! Принцесса, а не Оля! Испортили и мне, и себе!

– Прошу без дерзостей! – холодно остановила его Валентина, чутко прислушиваясь к тому, что происходило за занавесью.

Там хлопали, аплодировали, но далеко не по прежнему. Аплодировали из любезности первые ряды кресел, где сидел Вакулин с друзьями, в то время, как весь остальной театр поражал ее своим дружным безмолвием.

– Что с Лоранской? – громогласно недоумевала какая-то молоденькая курсистка, волнуемая на своих «верхах». – И узнать нельзя, точно подменили актрису.

– Извините меня-с, – возмущался какой-то старичок профессор, – это обман какой-то! Это не Лоранская, а кукла бездушная! Да-с!

Все остальные акты Валентина продолжала в таком же фальшивом тоне, как и первый, и так до самого конца пьесы.

Лелечка, Павлук и Кодынецев не узнавали ее, всегда чуткую к вопросам художественной правды и красоты.

– Плохо играет, – решил Павлук, – и вырядилась, как глупо! Зачем? Испортила дело только, ходит по сцене и точно говорит: посмотрите-ка мол, на меня, люди добрые, какая я нарядная и красивая. Глядеть тошно! Хорошо что у мамы голова разболелась и она с нами не поехала, а то бы ей было тяжело. И я уеду. Невмоготу!

И не умеющий притворяться и сдерживаться Павлук демонстративно покинул зрительный зал до окончания спектакля.

После последнего акта пьесы Валентина, выходя на сцену, услышала легкое шиканье и чьи-то свистки. Она побледнела. Злая улыбка исказила на мгновение ее лицо.

– Ага! – произнесла в бешенстве девушка, – это из зависти свистят, моим нарядам завидуют, моей красоте, гадкие, злые, несправедливые люди!

И, чуть не плача, она прошла за кулисы. Вдруг ее взволнованный взор встретил устремленные на нее с негодованием глаза Сергеева.

– Дядя Миша! Что же это? – беспомощно, по-детски пролепетала она, бросаясь в сторону трагика и как бы ища его защиты.

– Осрамились! Не ожидал, барышня! – отстраняясь сухо и отрывисто произнес тот. – Не ожидал! Забылись! что это храм... святой храм искусства... Здесь работа... талант нужны... а не выставка модных нарядов! Да-с!

Последних слов Валентина не слыхала. Вся сгорая от стыда, переступила она порог своей уборной и, упав на козетку, зарыдала тяжелыми, безутешными, душу надрывающими слезами.

– Михаил Петрович прав, – послышался над нею строгий голос, – мы привыкли видеть у наших актрис сознательное отношение к делу, – произнес появившийся в ее уборной ре-

жиссер труппы, – а вы, барышня, точно посмеялись над нами. Извините меня, но подобное отношение нетерпимо на службе. Нельзя коверкать смысла роли, желая щегольнуть нарядом и красотой. Мы привыкли иметь дело с работающими осмысленными труженицами, а то, что я сегодня увидел, извините меня, какое-то сплошное ломанье и больше ничего!

– Что?

Слезы Лоранской высохли внезапно. Ложное самолюбие и гордость, не терпевшие замечаний, заговорили в ней громче, чем когда-либо, теперь. Отлично сознавая, что она глубоко не права, Валентина все-таки не хотела признать этого. И она вызывающе посмотрела на режиссера.

– Я не потерплю незаслуженного выговора, – надменно произнесла девушка, – потому что не считаю себя виноватой. – И предпочитаю уйти, оставить службу, нежели... – она не договорила, захлебнувшись от волнения.

– А это как вам будет угодно! Мы никого не смеем удерживать силой, – произнес режиссер и, холодно поклонившись, вышел из уборной.

– Валечка! Что ты сделала? О, Господи! От места отказалась! Валя! Валя! Голубушка! – залепетала, бросаясь к ней, Лелечка и судорожно обвила дрожащими руками плечи старшей сестры.

– Ах, оставь меня, пожалуйста! Все меня оставьте! – раздраженно крикнула Валентина, но, не выдержав, упала головой на грудь Лелечки и залилась горячими слезами.

XIX

Тревожно прошла эта ночь в сером домике.

Измученную и рыдающую, привезли сюда Кодынцев с Лелечкой, Валентину. Марья Дмитриевна, впервые видевшая слезы старшей дочери, совсем потеряла голову со страха.

– Валюша! Валечка! Полно, милая, не кручинься! Пожалей себя! Ну, не клином свет сошелся, ну найдешь другое место. В другом театре. Еще лучше найдешь! Птичка моя милая, красавица моя!

Но слезы текли по-прежнему из глаз девушки, и, забыв всю свою обычную гордость, Валентина рыдала, как девочка, прильнув к груди матери.

– Стыд-то какой! Подумайте! Ведь освистали меня! Освистали, поймите! Срам! Позор! Боже мой, умру – не забуду этого вечера! – шептала она, пряча раскрасневшееся, заплаканное лицо.

Марья Дмитриевна, Кодынцев, Павлук и Лелечка с ног сбились, ухаживая за безутешной девушкой, всячески успокаивая ее.

Но слезы Валентины не прекращались. С каждой минутой, напротив того, они лились все обильнее и девушка, казалось, готова была лишиться чувств.

Наконец, ее удалось уговорить прилечь на диване. Кодынцев сел около, взял руку невесты в свою и стал тихим ласко-

вым голосом утешать ее.

– Ничего, ничего, Валечка, все обойдется! Еще как заживем славно! И в другой театр поступишь, а то и вовсе не поступай, на наш с тобой век хватит, да и твоим найдется чем помочь. У меня есть крошечный капиталец, вот его и утилизируем. Да и служба тоже. Не век же буду на ста рублях сидеть! Прибавку дадут, повышение. Так-то, Валечка... а ты бы...

Владимир Владимирович не договорил. Глаза его испуганно впились в лицо Валентины. Она не плакала больше. Бледная, без кровинки в лице сидела она на диване и пересохшими губами лепетала:

– А Марфенька? Марфенька-то! Ей надо отдать! А теперь не из чего! Ах, Володя, Володя!

И она схватилась за голову руками и тихо, протяжно застонала...

Ответный стон, только еще более отчаянный, пронесся по дому, заставляя вздрогнуть молодых людей.

– Что это? – сорвалось одновременно с губ Кодынцева и Валентины.

И в ту же минуту, помертвевшая от ужаса, Лелечка появилась на пороге гостиной.

– Скорее... скорее... к маме... Маме худо... Граня исчез... Убежал Граня! О, Господи! Господи! За что нам все это!?! – и обессиленная Лелечка, едва держась на ногах, прислонилась к косяку двери.

Но Марье Дмитриевне Лоранской не сделалось дурно. Она не упала в обморок, слабая хрупкая старушка, оказавшаяся чудом выносливостью и силы против молодых ее детей.

Случайно заглянув в комнату Грани и не найдя его там в такой поздний час, старушка встревожилась не на шутку. Затем, заметив белешуюся на столе записку, составленную час тому назад зашедшим на минуту домой Граней, она схватила ее, жадно пробежала глазами и внезапно, бледнея, схватилась за сердце.

Протяжный, жалобный стон вырвался из груди Лоранской...

Ее Граня, ее любимчик извещал в этой записке, что с первыми лучами солнца он покидает Петербург на шведском судне «Гильда», уходящем с рассветом.

«Когда вы проснетесь утром, дорогая мама, – своим еще детским почерком писал Граня, – я уже буду далеко. Это необходимо. Я запутался в долгах, я проигрался в карты! Я негодный мальчишка, которого не сегодня завтра выключат из гимназии. И я решил исправить все это, уехать, заработать денег; вернуться, расплатиться со всеми и помочь вам всем.

Не считайте меня совсем дурным, голубушка-мамочка, и верьте, что иначе я не мог поступить.

Не забывайте меня...

Прощайте, до свидание, моя бесценная старушка, обнимаю вас, Павлука, сестер.

Ваш Граня».

Лишь только первое мгновение отчаяния рассеялось и несчастная мать нашла возможность соображать и действовать, она бросилась к старшему сыну.

– Паша... голубчик... не поздно еще, может статься, успеем, Бог милостив... Туда... за ним... к нему... поспешим, Паша...

Павлук сразу понял ее намерение.

Быстро, в одну минуту оделся сам, приказав принести верхнее платье матери, велел сестрам помочь одеть взволнованную старушку и, поручив обеих девушек Кодынцеву, под руку со старушкой поспешил из дома.

Утро брезжило ранним апрельским рассветом, когда они оба, трепещущие, взволнованные спешили чуть не бегом по направлению к набережной, где должна была стоять у пристани «Гильда».

– Неужели же опоздаем! Неужели она ушла? – испуганно повторяла Лоранская, обезумевшими глазами глядя вдаль.

Как нарочно не было ни одного извозчика на пустынных улицах острова, а старые ноги Марьи Дмитриевны подкашивались от переживаемого ею волнения.

Но мысль о необходимости застать судно, найти и вернуть Граню оказывалась сильнее хрупкого старческого организма.

– Пospеть бы, поспеть, Пашенька! – каждые две минуты повторяла она и ускоряла и без того быстрые шаги, то замирая отчаянием, то снова разгораясь надеждой.

Лучи солнца брызнули им навстречу, когда они достигли уже набережной.

Большая красивая «Гильда» распустила пары.

Гулкий рев парохода прозвучал над сонным островом как раз в ту минуту, когда Марья Дмитриевна с сыном вбежали на мостки пристани.

– Стойте! Стойте! – не своим голосом закричала Лоранская, криком, исполненным отчаяние и боли. – Там мой сын, мой мальчик! Верните мне его! Верните!

И она упала на колени посреди пристани, простирая руки вперед...

По изможденному горем лицу текли слезы...

– Граня! Мальчик мой! Дитяtko мое! Вернись! Вернись! Я умру без тебя с горя, мой Граня! – лепетала она сквозь слезы отчаяния, впиваясь глазами в палубу судна.

– Мама! Мама, я здесь! Я здесь и не уеду никуда! – вдруг раздался оттуда ответный дрожащий возглас, и в лучах восхода мелькнула знакомая рыжекудрая голова...

Заскрипел сходень под чьими-то поспешными шагами и... Граня Лоранский заключил в объятие рыдающую мать.

Заключение

Быстро, быстро летит неуязвимое время...

Проходят дни, недели, месяцы, проходят и канут в лету... Меняются люди, меняются обстоятельства их жизни. Набегают грозы, сверкают молнии, грохочут громы событий. Горе, радости, и опять горе и опять радости чередуются, сменяясь одно другим.

И в сером домике у «синего моря» время вывело целую сеть событий и эпизодов для того, чтобы снова вернуть сюда в это мирное гнездышко, тихое безмятежное былое счастье.

Как и год тому назад, в середине глухой и дождливой осени собралась дружная семья Лоранских вокруг чайного стола в столовой с их обычными гостями.

Та же румяная Фекла подала самовар, та же холодная корюшка и грошовая чайная колбаса красуются на тарелочках, те же ванильные сухарики и морошковое варенье наполняют дешевые вазочки, и хлопотливая Лелечка разливает чай.

Навадзе, Декунин, Сонечка Гриневич, все прежние друзья-приятели сошлись снова у гостеприимных хозяев.

Но в самих хозяевах есть небольшая, чуть заметная перемена.

Марья Дмитриевна чуть поседела за последние месяцы, вследствие пережитого волнения с Граней. Сам Граня изменился больше других. Хороший урок, полученный им от

жизни, сослужил пользу юноше. Это уже не прежний легкомысленный и пустоватый франтик Граня, каким он был еще несколько месяцев тому назад. Это серьезный, прилежно занимающийся науками юноша, стремящийся к одной цели: искупить своими успехами в учении принесенное им его матери горе.

Марья Дмитриевна заплатила из своей части долги Грани и Валентины, и теперь последние крохи «злополучного наследства» растаяли, как дым, но никто из маленькой семьи не горюет об этом. Напротив того, все члены семьи Лоранских, пришли к заключению, что без денег живется и дышится куда легче и светлей.

– Не в них счастье! – решил первый Павлук после злополучного случая с Граней, снова горячо принимаясь за беготню по урокам и готовясь изо всех сил к предстоящим ему весною выпускным экзаменам.

Он по прежнему горит желанием забраться в качестве врача в самые дебри глухой провинции лечить страждущих немощных бедняков.

Валентина и Кодынцев повенчаны. Но это не мешает им ежедневно посещать серый домик и жить одною общею жизнью с его обитателями. Валентина горячо привязалась к своему доброму честному благородному мужу, не чающему в ней души. О сцене она и думать забыла, сознавшись в душе, что сцена влекла ее больше как выигрышный ореол к ее красивому личику, как цель удовлетворение тщеславия, нежели

как заработок в труде.

В последнем не оказалось необходимости, Кодынцев, имея небольшие средства, мог даже помочь семейству жены, совместно с Павлуком, до окончания последним академии.

Одна Лелечка чувствовала себя тою прежнею Лелечкой, какою была и во время «богатства», как она шутя называла эту эпоху в жизни Лоранских. Налетевший вихрь не затронул, казалось, Лелечки и прежняя «бессребреница», как называла младшую дочурку Лоранская, осталась верной себе.

– Господа! Нынче ровно год с того дня, как мы... – начал было Павлук, обводя глазами присутствующих.

Валентина вспыхнула до ушей, Граня опустил глаза в свой стакан с чаем при этом напоминании.

Марья Дмитриевна беспокойно зашевелилась на своем месте.

– Ну, вот, есть о чем вспоминать! Противные деньги! Только хлопот наделали! – вмешалась Лелечка. – Без них куда лучше и спокойнее было! Вот то ли дело теперь! – и она улыбнулась всем своей светлой, детски радостной улыбкой.

– Истинно да будет так, моя мудрая сестрица! Вы правы! – завопил по своему обыкновению Павлук, обдергивая свою домашнюю косоворотку, в которую облачился с некоторых пор снова.

– Бедным легче живется – заботы меньше, – снова проронила Лелечка, наливая кому-то стакан.

– Тебе всегда легко житься будет и в богатстве и бедно-

сти одинаково, – серьезно произнесла Валентина, любовным взглядом окидывая сестру.

– Ну, вот еще! – смутилась та.

– Почему же?

– А потому, что ты сама, как солнышко, светишь и счастье в тебе самой! – подтвердила Марья Дмитриевна, притягивая к себе рыжую головку и нежно целуя ее.

– Ну, уж, мама, вы скажете тоже! – окончательно смутилась Лелечка.

– Лелька, вандалка ты этакая! Ты вместо сахара мне в стакан соли насыпала! – закричал строя уморительные гримасы Павлук.

– Ах! Правда!

– Ну, не угодно ли хвалить ее после этого! Что ты меня, как твою корюшку, просолить хочешь, что ли?

– Ха, ха, ха, ха, – расхохоталась молодежь.

– А я нынче Вакулина видел. На рысаках по набережной проехал! Стрелою! – произнес Граня, – денег, и видно, у него по-прежнему тьма.

– Ну, и Господь с ним!.. Не завидовать же его богатству! Бог с ними, с деньгами! И без них у нас сейчас радостно и хорошо, – тихо проговорила Лоранская, оглядывая ласковым взглядом молодые довольные лица, теснящиеся вокруг стола.

– Господа! А не пляснуть ли на радостях? Меня Навадзе «шакон» выучил. Вот, я вам доложу, бисов танец! Лелька,

марш за рояль! Mademoiselle, виноват, madame, позвольте, s'il vous plait, вам представить себя в качестве кавалера? – и Павлук с комической важностью расшаркался перед старшей сестрой.

Валентина, смеясь, подала ему руку.

Сонечка Гриневич подхватила Граню, два медика и Кодынцев взяли по стулу за неимением дам и стены серого домика задрожали от неистового шума, смеха и топота сильных ног веселившейся молодежи...